

The background of the book cover is a photograph of a misty autumn scene. A paved path leads into the distance, flanked by trees with vibrant orange and red foliage. The ground is covered with fallen leaves, and a soft mist hangs in the air, creating a nostalgic and serene atmosphere.

СТАНИСЛАВ ДАЛЕЦКИЙ

ОСЕННЯЯ ПОЕЗДКА
В ПРОШЛОЕ

ПОВЕСТЬ

Станислав Далецкий

Осенняя поездка в прошлое

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Далецкий С. В.

Осенняя поездка в прошлое / С. В. Далецкий — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Пожилой московский профессор совершает поездку в маленький сибирский городок, где прошли его детство и юность. В пути он вспоминает события собственной жизни от детства до современности и судьбы своих родственников и друзей. Эти воспоминания вместе с путевыми впечатлениями дают развернутую панораму жизни русского человека в глубинке и в столице России во второй половине двадцатого века и начале двадцать первого. Приведенные факты и биографии людей имеют документальную основу

© Далецкий С. В., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

ОСЕННЯЯ ПОЕЗДКА В ПРОШЛОЕ

повесть

I

Тёплой июльской ночью Иван Петрович Домов: 67 лет, профессор техники – спал у себя дома беспокойным поверхностным сном. Он переворачивался с боку на бок, сбрасывал и вновь натягивал на себя одеяло, подгибал и опять широко раскидывал руки и ноги, словно искал удобное положение для спокойного и глубокого сна. Вдруг сонная судорога резко встряхнула его тело, он проснулся, как от толчка, и открыл глаза. Пробуждение, как всегда в последнее время, было внезапным и полным. Он лежал на широкой кровати в спальне своей большой квартиры, расположенной в многоквартирном доме одного из городов ближнего Подмосковья.

Стояла глубокая ночь. Свет уличных фонарей снизу тускло освещал потолок спальни. Потной рукой, а внезапное ночное пробуждение всегда сопровождалось испариной, Иван Петрович нащупал часы на тумбочке у кровати и посмотрел на циферблат. Было два часа ночи. Он, уже привычно, удивился показаниям часов. По своим ощущениям спал он долго, а, оказывается, прошло только полтора часа, как он, ворочаясь, заснул в отрывках мыслей.

В закрытую дверь спальни тихо мяукнул кот, почувствовав, что хозяин проснулся. Этого кота Иван Петрович обнаружил в прошлом году, летом, во время приезда с семьёй на дачу. Выйдя из машины, они увидели у ворот дачи двух маленьких котят, совершенно обессиливших от голода. Их мать, по-видимому, пропала: может, порвали собаки или просто ушла, а котята остались одни и, напрасно прождав несколько дней и вконец оголодав, они выползли с участка в сторону дороги – кончать такую голодную жизнь самоубийством под колёсами мчавшихся автомобилей. Увидев людей, они беззвучно запищали, широко открывая красные рты: подавать голос уже не было сил. Котят подкормили и к вечеру они уже весело играли друг с другом у крыльца дачи, сторонясь, впрочем, людей. Серенький котёнок оказался кошечкой, а чёрный – котом. Кошечка уже позволяла себя гладить, к радости внучек, а чёрный котенок отпрыгивал в сторону, едва Иван Петрович пытался его погладить, однако внимательно и изучающее приглядываясь со стороны к Ивану Петровичу.

На другой день, утром, едва Иван Петрович вышел на крыльцо, чёрный котёнок сам подошёл к нему и стал тереться о ноги: за ночь он определился с выбором хозяина и не прогадал – котята остались жить на веранде бани. Однако, имена им Иван Петрович не давал, полагая, что дав имя котёнку, он должен нести ответственность за его судьбу. В дни приезда людей на дачу котят подкармливали все, а среди недели, вечером после работы, дважды приезжал Иван Петрович, чтобы подсыпать и подложить им корма и воды. Оказывается, кошки едят, пока не наедятся, а собаки – пока не съедят всё, поэтому котят можно было оставлять еду впрок: если её не сожрут соседские коты, которые частенько забегали на участок, загоняли котят под крышу дома на чердак и поедали все припасы, привезенные Иваном Петровичем.

Примерно через месяц, по приезду на дачу, Иван Петрович отыскал только одного чёрного котёнка, а кошечка пропала бесследно: может быть ушла и заблудилась или погибла, а может быть и кто-нибудь подобрал её из проезжающих машин. Котята хоть и были беспородные, но красивые, простой и естественной красотой грациозного животного. Чёрный котёнок пугливо прятался под крышей дома и, оставшись один – погиб наверняка, поэтому Иван Петрович, неожиданно для себя, решил взять его в свою городскую квартиру – так и не придумав ему имя. Котёнок без имени, оставаясь просто Котом, оказался сообразительным, усвоил правила личной гигиены и прижился, снисходительно поглядывая вечерами со спинки дивана на лежащего внизу хозяина или пытаясь отвоевать для себя право ночевать в спальне хозяина, когда тот, закончив вечерние, дела отправлялся на покой. Иван Петрович, в принципе, не возражал против Кота в спальне, если бы тот по ночам не уходил подкрепиться на лоджию, где

стояли его кормушки, а возвращаясь назад с размаху запрыгивал на кровать, чем будил хозяйина и без того испытывающего неполадки со сном. Поэтому вечером, просто Кот выкидывался им из спальни и обиженный укладывался спать у двери: всё ещё надеясь на допуск в спальню.

Вот и сейчас, почувствовав, что хозяин не спит, просто Кот тихонько скрёбся и подмывал под дверью в надежде на милость Ивана Петровича.

Поворочавшись немного и окончательно поняв, что вернуться ко сну уже не удастся, Иван Петрович встал с кровати, сходил на кухню попить воды, а вернувшись, выдворил кота, который уже успел удобно расположиться на кровати, за дверь и подошёл к окну. За окном моросил мелкий ночной дождь, похожий на осенний, хотя была ещё середина июля. Вздохнув, он вернулся на кровать: как всегда, вместо ушедшего сна пришла привычная тоска, которую любители иностранных слов называют депрессией. Но депрессия это психическое расстройство, заболевание, а Иван Петрович не считал себя больным, да и не являлся им фактически, что подтвердил и врач-невролог, к которому он обращался не так давно. Просто, как всякому человеку ему нужна была цель: на сегодня, на завтра, на год вперёд, чтобы приложить усилия для её достижения, так как рутинная повседневная работа уже не требовала напряжения и усилий и, соответственно, не доставляя удовлетворения, приносила только усталость. Конечно, голодному поесть, а алкоголику выпить водки – это тоже цели, но обычный человек обычно ставит себе цели в личной жизни или по работе, не так ли? Но именно таких целей Иван Петрович не ставил перед собой уже несколько лет – от этого и устал и был подавлен, не имея ни цели, ни перспективных жизненных ориентиров.

И сейчас, лёжа в кровати и ожидая возвращения сна, Иван Петрович перебирал в памяти события своей уже достаточно долгой жизни, связывая эти события с жизненными целями, которые, как ему казалось, он ставил в тот или иной период жизни. Как достигал этих целей или отказывался от них ради других – в надежде что-то отыскать или вспомнить недостижимое, недостающее ему сейчас и, если возможно, определить это своей целью и начать энергично, как он это умел, двигаться к её достижению, вновь обретая смысл своего существования и интерес к активной жизни.

Родился он в небольшом городке на юге Западной Сибири. Жил вместе с бабушкой в простом деревенском доме, отца не знал и не помнил, а мать, будучи замужем за другим, жила отдельно с мужем и вторым – младшим сыном. Жили скромно, но не нищенствовали, взрослые были приветливы и доброжелательны, целей обогащения не имели, но общее благосостояние людей в 50-е годы поднималось, может быть и не так быстро как бы хотелось. Ребёнок он был подвижный, с выдумкой на проделки и проказы, за которые приходилось расплачиваться наказаниями разного рода, но обид не помнил и не таил. Были мечты на уровне сказок, а вот целей жизни, кроме как победить соседского мальчишку, переплыть речку или попасть из рогатки в воробья – таких целей в его детстве не было. Получалось, что раннее детство он прожил бесцельно, но жизнерадостно и увлеченно самой жизнью во всех её проявлениях.

Поэтому-то Иван Петрович никогда и не верил различным деятелям, которые писали или рассказывали о том, что ещё в детстве они поставили себе цель кем-то стать или чего-то достичь. С другой стороны, большинство мерзавцев, предателей и негодяев различных видов родом из детства, хотя вряд ли они ставили себе это целью. Трудно представить, что нынешние политические, финансовые и околонуточные выродки стали такими в зрелом возрасте – наверняка и в детстве они ябедничали и подличали, учась у своих родителей и их окружения. Решив подумать об этом как-нибудь в другой раз, Иван Петрович продолжил обзор своей памяти.

Далее школа. Цели учиться в школе у него не было и не могло быть. Учёба в школе тогда была обязательной, по-крайней мере до 14 лет, и уклониться от учёбы не было никакой возможности в 50-е годы прошлого века. Всех детей школьного возраста переписывали, прикрепляли к какой-то школе, ближайшей или по интересам (но это только в городах). Потом, если ученик пропустил в школе три дня подряд, домой обязательно приходил учитель – узнать:

в чём дело. Если школьник с помощью родителей пытался бросить учёбу, то в дело вступали различные органы образования, опеки и т.д. и заставляли ребёнка продолжить учёбу, помещая, при необходимости, его в интернат, если родители вели себя недостойно – что было крайне редко. Это теперь, около миллиона детей вообще не учатся, а в интернатах находятся дети, имеющие живых, но опустившихся или неадекватных и безработных родителей: не имеющих возможности или не желающих заниматься своими детьми.

Итак, в школе он учился потому, что это было нужно взрослым, но не лично ему, поэтому и цели учиться, например, только на «отлично» он не ставил, хотя и был вполне успевающим учеником при удовлетворительном поведении, за которое частенько наказывался в школе и дома.

Учителя в школе были спокойны и сдержаны, учебники просты и понятны, домашние задания давались в разумных объёмах – поэтому учёба шла параллельно обычной ребячьей жизни с её увлечениями, играми и необъяснимыми поступками, как навязанная взрослыми обязанность, которая вроде бы должна пригодиться в каком-то далёком будущем. Впрочем, и эту необременительную учёбу некоторые одноклассники Ивана Петровича, давшие ему кличку Винт, забрасывали полностью и отсидев по два-три года в каждом классе заканчивали семилетнее образование в 18-19 лет, уходя со школьной скамьи сразу на службу в армию.

Ощувив себя Винтом, он вспомнил как один великовозрастный одноклассник, кажется в 6-м классе, устраивал представления на уроке для сидящих на задних партах непослушных учеников. Классная комната была продолговатой с тремя рядами двухместных парт, причём третий ряд состоял из двух парт, начинающихся сразу за печкой, которая выступала из стены, так что сидящий за этой партой ученик был скрыт от глаз учителя и при учительском вызове он высовывался из-за печки: сидя или вставая. Как его звали, Иван Петрович не смог вспомнить: этот 18-летний парень пришёл к ним только в начале учебного года и месяца через два исчез – кажется, его забрали в армию.

Так вот, 18-летний оболтус из 6-го «б» класса, расположившись за печкой, доставал из портфеля четвертинку водки, стакан, сигареты и хлеб и ставил всё это на парту. Потом наливал немного водки в стакан, выпивал, закусывал хлебом и затягивался сигаретой. Вырвав несколько листов из тетради, он открывал печь и поджигал эти листки, вытягивая ноги вдоль парты и показывая полное довольствие жизнью. На «камчатке» – так назывались задние парты и их обитатели – конечно, прыскали от смеха, а учитель, ничего не подозревая, вёл урок и если не мог успокоить «камчатку», то выгонял их из класса.

И свои собственные проделки в школе и на уроках Иван Петрович сейчас вспоминал с удовольствием, но такая учёба в школе, конечно, не была целью его школьной жизни. Получается, что и школьные годы, а учился он всего семь лет, прошли бесцельно.

Ну а что было дальше? Дальше был сельскохозяйственный техникум, куда он пошёл учиться после семилетки, однако, целью была не сама учеба на механика сельского хозяйства, а стипендия, которую давали успевающим студентам в размере 160 рублей. А это половина бабушкиной пенсии, на которую они и жили. Так, за стипендию, он и отучился два года из четырёх, необходимых для окончания техникума, достигнув 16-ти летнего возраста.

В 16 лет, по советским законам, можно было начинать работать, получать зарплату и стать самостоятельным: так хотелось самостоятельности и взрослости! Вот он и бросил учёбу в техникуме и пошёл работать слесарем в машинную мастерскую: в те «проклятые» времена работу не надо было искать – работа сама находила тебя. А учёбу он продолжил в вечерней школе рабочей молодёжи: была и такая форма обучения – сразу в 10-м, выпускном классе, потому что два года техникума зачли вместо учёбы в 8-9 классах. Ну и что? Какие здесь-то жизненные цели? Учёба и работа? Или самостоятельность? Пожалуй, самостоятельность можно считать жизненной целью, но в те годы самостоятельность приходила сама по себе – по мере взросле-

ния и перехода от детства к юношеству. Пожалуй, эти два года работы можно считать прожитыми с целью, решил Иван Петрович, продолжая свои бессонные ночные раздумья.

Далее уже вырисовывалась цель получить высшее образование, которое все годы советской власти было бесплатным – нужно только было поступить в институт на дневное отделение по конкурсу, а потом учись себе на здоровье и получай стипендию, на которую плохонько, но всё же можно было прожить – если проживать в общежитии. Были, конечно, ещё заочная и вечерняя формы обучения в институтах, но в маленьком городке, кроме учительских и юридических специальностей, они были малодоступны, так как требовалась работа по избранной специальности. А специальностью он считал работу в области авиации: авиация и космонавтика в начале 60-десятых годов считались престижными направлениями трудовой деятельности. Что на самом деле скрывалось за этими названиями, он представлял достаточно смутно, поэтому и выбор авиационного института для получения авиационного образования нельзя считать целью – нельзя желать того чего не знаешь. Поэтому, будем считать целью просто получение высшего образования, решил Иван Петрович.

По окончании учёбы в институте он был призван в армию на два года службы офицером и, конечно, эту армейскую службу никак нельзя считать жизненной целью. Если бы сам решил, то другое дело, а здесь была обязаловка, и эти два года жизни Иван Петрович считал бесполезно потраченными, хотя именно жизненных событий за два года офицерства произошло достаточно много, в том числе и определивших его дальнейшую судьбу: женитьба и рождение сына.

После армии он работал на машиностроительном заводе: чтобы зацепиться жить в Подмосковье с надеждами получить жильё – конечно и это не было его жизненной целью. В те, уже далёкие времена советской власти, найти работу по душе не представляло никакой трудности – трудностью являлось получение прописки, по нынешним временам, регистрации, которая давалась в городах только при наличии жилья: родительской квартиры или места в общежитии от предприятия, куда брали на работу. Так вот, эти общежития были только у предприятий, которым требовались рабочие, а для бездомных инженеров, каким и являлся Иван Петрович после армии, таких общежитий не было. Поэтому, нужно считать большой удачей его устройство на работу на машиностроительный завод мастером в сборочный цех с предоставлением места в общежитии и перспективой получения комнаты (бесплатно!) в будущем. Опять его жизненная цель свелась к решению бытовых проблем и надо сказать успешно. Уже через два года работы он получил от завода комнату в 3-х комнатной квартире нового дома, который построил завод на свои средства для своих работников. Жильё тогда предоставлялось бесплатно и навсегда, так как никаким способом потом это жильё нельзя было изъять у семьи – если только это жильё не являлось служебным.

Получив жильё, Иван Петрович, пожалуй, впервые в жизни, получил и возможность выбрать себе работу по призванию. Можно было выбрать деятельность в авиации или космонавтике, согласно полученному институтскому образованию, а можно и сменить профессию и заняться чем угодно – лишь бы душа лежала. В те времена можно было выбрать любой путь, а оплата труда везде отличалась незначительно: нельзя было только бездельничать – тунеядство наказывалось по закону.

Ему не было и 30-ти лет: впереди целая жизнь и открыты все дороги и пути – выбирай и добивайся успехов на выбранном поприще, но осознанного желания и призвания к чему-то не имелось. Иван Петрович решил заняться научной деятельностью в области авиации: занятие наукой, как ему казалось, более соответствовало его характеру и наклонностям, чем деятельность в заводском техническом производстве. Переговорив с однокашниками по институту, он и выбрал авиационный исследовательский институт, который к тому же и располагался недалеко от места жительства. Туда и устроился на работу инженером без особых проблем: в те времена, авиация бурно развивалась, и авиационные специалисты требовались везде. И вот

этот-то, можно сказать случайный выбор, и оказался выбором жизненного пути, но было ли это его жизненной целью? – задумался Иван Петрович и, после минутных размышлений, решил, что нет. Ни его работа в авиации, ни результаты, которых он добился, изначально не были его целью, а получились как итог случайного выбора рода занятий. И как же быть с целью жизни обычного человека? По воле обстоятельств и случайных событий он прожил всю свою жизнь, не ставя перед собой жизненных целей по призванию и добиваясь результатов – как итогов повседневного труда в авиационной науке на авиационном предприятии.

Может потому ему и не спится по ночам спокойно в последнее время, что он прожил бесцельную жизнь и на склоне лет не испытывает морального удовлетворения от того что сделал и достиг, подумал Иван Петрович, чувствуя что долгожданная сонливость начинает путать его мысли, да так и уснул.

II

Проснувшись утром с тяжёлой, после ночной бессонницы, головой Иван Петрович посмотрел в окно. Ночной дождь продолжал моросить и утром. Мелкие капли дождя, стекая по стене дома укрупнялись, и с равномерной заданностью гулко падали на жёст оконного карниза. Низко нависшая облачность скрывала рассвет. Он вяло посмотрел на часы – было семь утра, хотя по серому рассвету он думал, что ещё не больше шести. Надо было вставать и собираться на работу, но настроения не было никакого. И тут он вспомнил свои ночные размышления о цели в жизни. Так вот почему он тоскливо размышлял ночью о целях жизни – ему не хотелось идти на работу! Не хотелось уже много лет, а в это дождливое июльское утро – особенно.

Дело в том, что его научная работа давно утратила творческий, исследовательский смысл и стала только средством добывания денег к существованию. В постсоветской России, захватившая обманом власть, алчная стая посредственных младших научных сотрудников, бухгалтеров и юристов навязала всем единственной целью жизни добывание денег любым способом и что именно деньги являются результатом труда. Однако, всякая работа состоит из процесса её выполнения и результата и является творческой, поскольку процесс исполнения работы каждый работник организует по своему, даже если процесс этот жестко задан технологиями и инструкциями.

Результат труда является завершением процесса выполнения любой работы и может быть выражен вещественным или интеллектуальным продуктом и, уже потом, оценен денежным эквивалентом, как мерой вознаграждения исполнителей за созданный продукт. Лишите работу процесса – она перестает быть творческой, лишите работу результатов – она теряет всякий смысл и уж конечно деньги могут быть мерой труда, но никак не результатом его.

Иван Петрович вспомнил, что он читал про труд узников фашистских концентрационных лагерей во времена Отечественной войны. Немцы, такая же работающая нация как и русские, прекрасно зная роль мотивации труда, лишали труд смысла, результата, что на их взгляд, да и на самом деле, являлось изощрённой пыткой для русских – хуже любых побоев и пыток. Например, ставили узников в круг, давали им лопаты и заставляли каждого копать отдельную ямку, при этом, выкопанную землю надо было кидать в ямку соседу. Одна и та же лопата земли перекидывалась по кругу часами, доводя людей до иступления, так что некоторые узники сходили с ума или бросались на ограждение из колючей проволоки под током и погибали.

Так вот, нечто подобное происходит и в России, после уничтожения СССР. Мерзавцы, захватившие власть и сами никогда не занимавшиеся созидательным трудом, лишили всякую работу смысла, кроме добычи денег. А основным принципом деятельности людей сделали процесс купли-продажи всего и вся: товаров, услуг, знаний, совести, чести и прочее и прочее, чтобы в итоге иметь только деньги и иметь возможность их тратить, что и составляет смысл их жизни.

Но такая психология чужда русскому человеку, а для людей старшего поколения и вовсе является неприемлемой. Отсюда стрессы, угнетённость и безразличие, что преследуют и Ивана Петровича уже длительное время. Ведь большую часть жизни он прожил в СССР, где труд, причём любой, считался делом чести, доблести и геройства. Как пелось в песне: «Нынче всякий труд почётен, где какой ни есть, человеку по работе воздаётся честь». Да, в СССР был культ, но не личности, а культ труда, культ работающего человека. После ельцинского переворота, власть в стране захватили сионисты, и человек оценивался ими только по количеству имеющихся денег. И как мелко, ничтожно выглядят на фоне работающего, созидającego человека все эти алчные людишки, копошащиеся ради добывания денег и идущие на любые ухищрения и даже преступления, лишь бы эти деньги были и как можно больше. Так вот, смысла в добывании денег, сверх удовлетворения своих скромных жизненных потребностей, Иван Петрович не видел – отсюда и утраченный смысл в научной деятельности, да и в работе вообще. Однако, некоторые его сослуживцы, да и многие просто знакомые люди, азартно включились в процессы добывания денег, сосредоточив на этом все свои интересы и желания, и общение с этими добытчиками денег не представляло для него никакого интереса – отсюда одиночество и замкнутость на работе и дома. И, как результат, утрата интереса к любой деятельности, включая и его работу.

«Ну ладно, – думал он, лёжа в кровати, – вот сейчас встану, соберусь и поеду на работу, под дождём, толкаясь в общественном транспорте: автобус-электричка – опять автобус, приеду через 2 часа на работу и что дальше? Опять переключать бумажки, решать мелкие проблемки, в основном по оформлению и отчётности за текущие и выполненные исследовательские работы?» Впрочем, исследовательские работы – это громко сказано. Все его исследования уже много лет сводятся к перепродаже результатов ранее выполненных работ, путём оформления договоров с многочисленными авиакомпаниями, возникшими на обломках единой, для страны СССР, компании «Аэрофлот». Если ранее, выполнив исследование, он оформлял его результаты для всей страны, то с развалом страны эти же результаты стало возможным оформлять для каждой авиакомпании отдельно: один результат перепродавать множество раз – это и является современным российским бизнесом.

Поэтому и НИИ, где работал Иван Петрович, превратилось в контору или по нынешним временам в «фирму» по оказанию, вернее сказать навязыванию, услуг авиакомпаниям, чтобы они имели возможность осуществлять свою деятельность в условиях многочисленных ограничений и поборов, установленных законами, инструкциями и бюрократическим аппаратом нынешней власти. Конечно, такая деятельность давала средства к существованию, но ничего не давала, как говорится, ни уму, ни сердцу – отсюда и безразличие к такой работе, хотя многие сослуживцы Ивана Петровича с вдохновением занимались и занимаются выколачиванием средств с авиакомпаний с последующей делёжкой этих денег между собой, ничего не делая по существу. Таких людей он уже давно выделил в отдельную банду посредников.

Привыкнув всё анализировать и систематизировать, Иван Петрович определил для себя классовый состав современного общества не по отношению к средствам производства и капиталу, как учит марксизм, а по отношению к труду, как средству существования каждого человека. Так вот, все совершеннолетние трудоспособные люди делятся на работников, собственников и паразитов.

Работник живёт только своим трудом, собственник использует наёмный труд работников, а паразиты живут за счёт наследства своих предков или пользуются благотворительностью общества.

С паразитами всё ясно: паразит он и есть паразит, который живёт за счёт других. Конечно, это не распространяется на детей, нетрудоспособных и стариков, которые также живут за счёт общества, которое потому и называется человеческим, что, в отличие от звериной стаи, заботится не только о потомстве, но и о старых и убогих.

Но вот разделять работников и собственников достаточно сложно. Да, работник это тот кто живёт своим наёмным трудом или результатами своего труда, а именно: рабочий, фермер, инженер, врач, учитель, сапожник и т.д и т.п. Например, сапожник имеет будку или подвальчик и сам ремонтирует и изготавливает обувь – чем и живёт он и его семья. Потом он нанимает за плату подмастерье и сразу же превращается в собственника, так как использует наёмного работника и, как показал Маркс, присваивает часть результатов его труда. А иначе, зачем бы ему нанимать работника? Какой смысл, если оплачивать его труд полностью? Так и появляется мелкий собственник. Ну а крупный собственник присваивает себе результаты труда уже сотен и тысяч наёмных работников и неважно, участвует ли он сам в производстве или пользуется только рентой с вложенного капитала: так или иначе он эксплуатирует работников и имя ему – эксплуататор.

С другой стороны, хорошо оплачиваемый работник наёмного труда имеет возможность откладывать часть заработанных средств, вкладывая их, как капитал, в банки или производство и, при благоприятном развитии, получая от этого прибыль. Он одновременно будет являться и работником и собственником, получая и за свой труд и ренту с заработанного капитала. Ну и кто же он на самом деле? Наверное, будет правильно считать его собственником, если более половины доходов этот работник получает с вложенного капитала, а меньшую часть – за свой труд. Вот такие работники-собственники в силу своей двойственности и погубили страну СССР. Например, сельский паренёк: сын простого крестьянина приезжал в город, поступал в институт, становился инженером, врачом, учёным – в общем высококвалифицированным специалистом и, поднимаясь по служебной лестнице, становился руководителем, зарабатывая своим трудом больше чем необходимо, даже на довольно обеспеченную жизнь, себе и своим домочадцам. Но излишние средства нельзя было куда-нибудь вложить, с целью получения дохода, а руководимое им предприятие: завод, больница, магазин или школа, нельзя было присвоить в собственность, а уж тем более передать свою должность по наследству. Это же несправедливо, по их мнению, тем более что в странах, где правит его «препохабие» капитал, все отношения и построены на присвоении чужого труда, чужой собственности, чужой земли. Кто поумней, те понимали, что своим положением они обязаны стране и её общественному строю, а те, кто утратил чувство меры и совести искали возможности стать полноценными собственниками, как говорил поэт «заводов, газет, пароходов». Эти свои желания они передавали своим потомкам, которые через 70 лет после Октябрьской революции совершили переворот сначала в сознании людей, а потом и в отношении народной собственности, присвоив себе всё, что смогли и разграбив всё, что не смогли присвоить. Вот в этой разграбленной стране, среди алчущих, озверевших собственников и приходилось жить Ивану Петровичу на склоне лет своей жизни. Как сказал один экономист: « Современная Россия-это страна победившего кулацкого капитализма». Академик Энгельгерд в 19-ом веке писал: «Настоящий кулак ни земли, ни хозяйства, ни труда не любит, этот любит только деньги. Всё у кулака держится не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздаёт в долг под проценты. Его кумир деньги, о приумножении которых он только и думает, капитал достался ему по наследству, добыт неизвестно какими нечистыми способами». Всё здесь верно, только все современные российские кулаки-капиталисты приобрели свои капиталы не по наследству, а присвоением общенародной, по их понятиям «ничьей», собственности. И нет такого преступления, на которое они не пошли и не пойдут впредь, лишь бы удержать и увеличить эту свою воровскую собственность. И по происхождению, многие современные руководители в России оказываются потомками тех самых кулаков – мироедов, которые описаны в российской литературе на рубеже 19-го и 20-го веков.

Хватит о собственниках. Есть же ещё современная банда посредников, которые ничего не создают, но являются промежуточным звеном между производителем товаров и услуг и их потребителем. С одной стороны, они необходимы: сапожник изготовил обувь, сдал её в мага-

зин, там потребитель купил эту обувь чтобы носить, а магазин отдал эти деньги сапожнику, оставив часть себе за то, что свёл их вместе через товар. Так что посредники необходимы, но в разумных пределах и там где нужно. А если посредник вклинился между врачом и пациентом? Или между учеником и учителем? Это уже извращение какое-то. Но именно так и устроено современное российское общество: кругом одни посредники. Вещь или услуга проходит через десятки посредников, прежде чем достигнет потребителя. И каждый посредник старается не допустить прямых и коротких связей между производителем и потребителем. Инженеры, учителя, врачи, токари, слесари и прочие люди полезных специальностей стали продавцами, рекламщиками, кладовщиками, дилерами, брокерами и прочими маклерами, не считая юристов, экономистов и бухгалтеров всех мастей и калибров. Сколько было в стране авиационных заводов – где они? Москва, что она сейчас делает кроме торговли и несметной рати чиновников? Было два автозавода. Там работали десятки тысяч людей – где они? Кровь в организме человека тоже не имеет самостоятельного значения – она, как посредник, лишь доставляет питание и кислород различным органам. А если организм разрушается, то зачем так много крови, то есть посредников в уничтоженной экономике страны? Это уже вампиризм в производственных отношениях. Сейчас, крупные собственники, да и мелочь тоже, через посредников уничтожают реальное производство – жизненные органы страны, а посредники уносят финансы из производства в торговлю и потребление: лишь бы здесь и сейчас, совершенно не думая о будущем страны и её обитателей, в том числе и о самих себе. Вот такой сдвиг в психике общества, вызванный алчностью приобретения собственности и потребительства.

В разумном устройстве общества не должно быть собственников, живущих за счёт эксплуатации труда наёмных работников, а также должно быть лишь необходимое число посредников – все остальные должны заниматься созидательным трудом. В СССР две трети работающих людей были заняты в производстве и лишь треть в сфере обслуживания, куда, кстати, входили и врачи и учителя и юристы-экономисты, а в кулацко-капиталистической Эрэфии: всё с точностью до наоборот.

За этими бесполезными утренними размышлениями время текло незаметно и, взглянув на часы, Иван Петрович обнаружил, что было уже девять часов утра.

Ехать на работу не имело смысла, тем более, что за окном продолжал моросить дождь. Тогда он занялся домашними делами: встал с постели, умылся, приготовил завтрак, который как всегда состоял из овсяной каши с сухофруктами, двух бутербродов с колбасой и сыром и чашки чая и, включив телевизор, приступил к завтраку.

По телевизору передавали новости. Стервозного вида женщина, как всегда скороговоркой, перечисляла убийства, грабежи, пожары и автомобильные катастрофы, произошедшие за последние сутки в стране и за рубежом. Иван Петрович в очередной раз почувствовал себя виноватым: столько людей погибло и пострадало только за одни сутки, а он живёт и даже не пошел на работу и вместо того, чтобы радоваться, что ещё уцелел, он ищет какой – то смысл жизни. Нехорошо это – как бы внушала ему дикторша с экрана ТВ, подтверждая свои слова кровавыми телесюжетами с места событий.

Потом на экране появился рыжеватый, облезлого вида мелкий, плюгавый человечек – как бы президент этой страны, и донёс до Ивана Петровича очередную порцию своих забот о стране и её обитателях. Президент всея Руси зачитывал с бумажек свои заботы сидящим перед ним министрам страны, которые изображали напряженное внимание его словам. После каждого зачитанного предложения, президент поднимал близко посаженные бесцветные глазки и окидывал внимательно – бессмысленным взглядом мартышки сидящих перед ним министров, которые тут же начинали что – то записывать. Недавно в газете Иван Петрович видел два фото президента на каком – то совещании. На первом фото тот старательно что-то записывал в лежащий перед ним блокнот. На втором фото, увеличенном до размера кисти руки, видно, что пре-

зидент рисует в блокноте квадратики и кружочки. «Может и министры делают сейчас то же самое»? – подумал Иван Петрович.

Было заметно, что изображать рачительного отца нации президенту давно обрыдло, но положение обязывает, вот и приходится играть роль. Да и то сказать, ведь совсем недавно, общаясь с журналистами, на прямой вопрос: «Правда ли, что он очень богатый человек»? – президент ответил, что он действительно очень богат, но богат эмоциями и впечатлениями, а не деньгами. Но вести заседание правительства это же не плавать, кататься на лошади, лететь в самолете и прочее: какие уж тут эмоции и впечатления – это неприятная, но необходимая обязанность и не более.

В следующем сюжете новостей показали и премьер-министра этой страны: ещё более мелкого человечка, с непропорционально большой головой гидроцефала и движениями лилипута, упакованного в костюмчик подростка. Премьер тоже что-то говорил, выражая заботу об улучшении жизни людей. И от такой заботы население России сокращается уже много лет со скоростью один миллион человек в год.

Потом на ТВ пошла агрессивная реклама, из которой следовало, что надо почистить зубы такой-то пастой, умыться таким-то мылом, сменить бельё, памперсы и прокладки, поесть чипсов, запивая их кока-колой, а потом спокойно уснуть, приняв снотворное.

Окончились новости прогнозом погоды на сегодня, потому что прогноз на завтра – это уже не прогноз, а гадание и Иван Петрович закончил свой завтрак. Далее, начинались ТВ-программы: кулинарии, одежды, самолечения, ремонта квартир и дач и прочие развлекательно – потребительские шоу, а также бесконечные сериалы про преступников в погонах и без – которые без усталости гоняются друг за другом и без раздумий убивают и своих и чужих.

«И всё это показывается днем, когда большинство людей должны работать или учиться – не с него же пример брать». – подумал Иван Петрович и выключил телевизор.

Чтобы как-то использовать свободный день, Иван Петрович занялся уборкой в квартире и стал наводить порядок в шкафах с одеждой. Тут позвонила внучка, которая узнала, что он дома и попросилась в гости – поиграть с котом. Иван Петрович не возражал, и через минуту она уже звонила в дверь, потому что жила с родителями по соседству, в этом же подъезде.

Войдя в квартиру и погладив кота, который сразу изогнул спину и стал тереться о её ноги, внучка увидела, как Иван Петрович перевешивает пиджак со своими наградами. «Ой, дедушка, сколько у тебя медалей – воскликнула она – ты, что ли был на войне»? «Нет, Вика, на войне я не был, а вот первую свою медаль я действительно получил в армии, когда служил офицером после института». Внучка стала играть с котом, а Иван Петрович, продолжая уборку, вспоминал свою армейскую службу.

III

За год до окончания института ему, как и многим другим студентам с его курса объявили, что сразу после института их призовут в армию служить два года офицерами. Военную подготовку они прошли в институте, были на сборах в летних военных лагерях, приняли там воинскую присягу и по окончании института им присвоят офицерское звание лейтенанта, с которым и призовут на срочную службу по армейской специальности. Спрашивается, зачем призывать в армию инженеров служить офицерами? Кадровых офицеров не хватает что ли? Да, именно так – не хватало кадровых офицеров.

В 1953-64гг. руководителем СССР был Никита Хрущёв: малограмотный самодур, ловкий и хитрый интриган, который, похоже, и был исполнителем или участником заговора по убийству Сталина. Преступник всегда ненавидит свою жертву, и, судя по тому, как Хрущёв ненавидел Сталина и порочил его после смерти он и был преступником. А природная хитрость Хрущёва это сочетание интуиции и беспринципности, но никак не признак ума. По этому поводу ещё Герберт Уэллс, английский писатель говорил: «Евреи очень хитрый народ, но они недостаточно умны, чтобы скрывать свою хитрость».

Интуиция – это чувство, беспринципность – черта характера, а ум – это способность человека оценивать окружающую действительность. Добавив к уму знания, даже бытовые, получается разум, который и определяет все действия человека. Но каждый из нас часто поступает вопреки разуму, т.е. надо бы поступить так, а мы поступаем иначе, понимая, что делаем ошибку – это определяется свойствами натуры человека и особенностями его характера. Разум всегда эгоистичен, что может преодолеваться воспитанием и отношениями в человеческом сообществе – идеологией общества. И человеческое общество развивалось от людоедства, до признания всех людей равными. При капитализме – это, якобы, равенство перед законом, который написали такие же эгоистические люди в своих интересах.

Большевики в СССР попытались обеспечить реальное имущественное равенство людей, чтобы обеспечивалась достойная жизнь любого человека, и это требовало постоянной борьбы с алчностью – чувством, которое незнакомо животным. В борьбе за выживание, животные довольствуются удовлетворением своих потребностей, и хищник не будет убивать больше, чем он может съесть. Вот это чувство меры во многих людях утеряно, а его восстановление требует большого времени и не одного поколения. Большевики пытались сделать это быстро, применяя силу и жестокость, не всегда оправданную, но дело новое, знакомое и без ошибок конечно не обойтись.

Так вот, Хрущёв, оклеветав Сталина, разрушил веру людей в реальность построения справедливого и благополучного общества и подменил идею справедливости идеей благополучности, а отсюда один шаг назад к алчности и стяжательству, что люди и пожидают сейчас в России.

Хрущёв все свои недостатки свалил на систему управления страной, которая была построена Сталиным, стал всё менять, лишь бы было по другому, и в итоге страна сбилась с темпа, потеряла ориентиры развития, что позволило впоследствии мелким и подлым последышам Хрущёва, уничтожить страну.

А тогда, в 60-е годы, Хрущёв решил, что оборона страны обеспечивается ядерным оружием и ракетами, авиация не нужна, поэтому производилось массовое сокращение авиационных частей, как и сейчас, самолёты уничтожались, а авиационные специалисты изгонялись из армии. От хрущёвских шараханий, даже у окружавших его лизоблюдов, начались опасения за свои места и Хрущёва заменил Брежнев, более уравновешенным деятелем, настолько уравновешенным, что за 18 лет дальнейшего правления он практически не предпринимал каких-либо самостоятельных действий, а только вместе со свитой.

В это время американцы напали на Вьетнам и стали бомбами с самолётов вбивать вьетнамцам демократические ценности, тогда и в СССР поняли, что авиация снова нужна. Производство самолётов стало расширяться, но специалистов за один – два года не подготовить и тогда решили призывать в армию выпускников ВУЗов на два года для службы офицерами. Так и в авиационном институте, на пятом курсе студентам объявили, что все будут призваны в армию после окончания института. И опять Иван Петрович попал под эксперимент, как и при поступлении в институт. В его группе кто-то обзавелся справками о плохом здоровье, трое согласились ехать на работу под Челябинск в ядерный центр, а он решил пусть будет, как будет, но договорился в одном военном НИИ, что они пришлют именной запрос в военкомат на него – для службы в этом НИИ. На этом и успокоился, так как до окончания института был ещё целый год.

Пятый курс прошёл вполне успешно, как и предыдущие, в сочетании учёбы и мест временной работы и без каких-либо событий. Зимой он слетал на каникулы домой с некоторыми приключениями. Уезжая, засиделся в общежитии с проводами и опоздал на самолёт. Тогда была единая авиакомпания «Аэрофлот» на всю страну СССР, поэтому билеты были действительны на все рейсы, а за опоздание брался небольшой штраф – с него, как студента, даже штрафа не взяли и он улетел следующим рейсом. За время полёта, погода испортилась,

аэропорт прилёта закрылся, и самолёт полетел на запасной аэродром, но при подлёте и тот закрылся. Самолёт марки ТУ-104 дальше лететь не мог – не было горючего, и самолет стали сажать в условиях снежной бури. Один раз самолет промахнулся, снова набрал высоту, развернулся, пошёл на посадку, снова промахнулся, опять набор высоты, развороты, заход на посадку и тут встали двигатели – кончилось горючее, а через несколько секунд касание полосы и пробег.

Пассажиры так и не поняли, какой опасности подверглись. Тогда телевидение не смаковало кровавые подробности авиакатастроф. Это сейчас телестервятники набрасываются на любую аварию – лишь бы жертв больше. Смысл конечно в этом есть: вот мол, люди погибли, а вы живёте, так что живите и радуйтесь и не пеняйте на тяжелую жизнь.

Иван Петрович просидел тогда в аэропорту посадки три дня – всё была нелетная погода и в конце концов уехал поездом. Позже в газете прочитал, что командира экипажа самолёта наградили орденом Красного знамени – это была высокая награда. Вот к чему привело его простое опоздание на самолёт.

Началась летняя преддипломная практика. Для тех, кто призывался в армию, практика проходила на выпускающей кафедре, а для остальных на предприятиях по будущему месту работы, где уже стоило показать себя лицом – как будущего специалиста. Будущим офицерам работа на кафедре была ни к чему, поэтому когда ему поручили провести какие-то расчеты для аспирантов кафедры, он отказался: всё равно в армию и потом, в течении четырех месяцев, больше не появлялся на кафедре. Уехал домой, вернулся, подрабатывал, проводил досуг и коротал время как придется.

Однажды в сентябре, вечером сидели в общежитии, играли в преферанс и вдруг кто-то предложил поехать в Ленинград. Идею подхватили, зашли в магазин, набрали портвейна на дорожку, приехали на вокзал, взяли билеты и в поезд: тогда, как и сейчас, поезда в северную столицу отправлялись ночью с прибытием утром, а билет стоил несколько рублей, кажется 11, да ещё скидка студенческая 50 %, почти даром.

Такая поездка не была первой, в Ленинграде разделились, кто – куда, а Иван Петрович к своему однокашнику, Жоре – тот был родом отсюда, к его матери. Отоспались, потом прогулялись по городу: погода стояла хорошая – тепло и сухо. Вечером собрались на квартире у одного из друзей Жоры, приехавший с ними Юрий пригласил знакомых девушек, которые учились в Ленинграде в институте. Так Иван Петрович познакомился со своей второй будущей женой, но тогда это было обычное шапочное знакомство. Они ещё покуролесили по Ленинграду и через два дня уехали обратно, а потом он улетел домой к матери и пробыл там до ноября.

Перед ноябрьскими праздниками вернулся в Москву, надо было получить задание на дипломный проект и начать работать над ним. Задание состояло из нескольких цифр, по которым надо было спроектировать ракету с заданными характеристиками. Эти цифры он записал в три строчки в записной книжке, а потом позвонил этой самой девушке в Ленинград и пригласил её на праздники в Москву. К его удивлению она согласилась и приехала. Приятель Жора жил со своей будущей женой на квартире её родственников, уехавших на работу за границу, там Иван Петрович и поселил свою знакомую.

Праздники провели вместе, она уехала, вскоре и он опять поехал в Ленинград: отношения завязались, и Иван Петрович почему-то решил, что это судьба. Раз у него судьба не клеится с этим призывом в армию, то пусть всё горит синим пламенем. У его новой знакомой тоже всё не просто было: недавно умер отец, учиться заочно и работать не совсем получалось, да и прочие обстоятельства толкали её на какое-то устройство своей личной жизни. Как говорится, несчастья сближают людей, но они забыли, что несчастья не объединяют, проходит время и эта основа исчезает, а что остается взамен? Всё-таки личные отношения надо строить на хороших событиях, ведь нельзя же сеять в заморозки – ничего не взойдет, так и в жизни. Но подсказать, как всегда, было не кому, а учиться только на личном опыте – это и двух жизней не хватит.

Иван Петрович написал жене, что разводится: у него есть другая женщина, и он поедет служить в армию – куда пошлют. Таков был финал первого его брака и начало второго. Надо сказать, что в Ленинград он поехал чтобы уклониться от встречи с юной девушкой, москвичкой, с которой тоже недавно познакомился и подружился, а она вдруг стала предлагать ему близкие отношения и даже назначила дату: вот он и убежал от греха подальше, но от судьбы не убежишь.

С этими делами он совсем забыл о работе над дипломным проектом и начал заниматься им только после встречи Нового года, когда до защиты оставалось около месяца. Помнится, зашел он в зал дипломного проектирования, нашел свободное место у кульмана, нашёл своего руководителя диплома – профессора Голубева и спросил, с чего он рекомендует начать работу над дипломом. Тот удивленно посмотрел на него, потом справился, кто такой, убедился, что это действительно его дипломник и сказал, что уже поздно начинать – не успеть, но консультацию всё же дал. Работоспособности Ивану Петровичу тогда было не занимать и, засучив рукава, он принялся за дело. Надо сказать, что в те времена компьютеров не было, учебники и пособия по ракетной технике секретные, другие дипломы посмотреть: тоже только секретные, с разрешения и без записей – только в специальную тетрадь, где производились все расчеты и обоснования.

Проект писался также только в зале, где делались и чертежи. В общем, целый месяц Иван Петрович безвылазно сидел в зале дипломного проектирования, оброс бородой, но сделал вполне приличный дипломный проект с чертежом ракеты на ватмане размером 8м x 1,5м и ещё шесть чертежей 1,2мx0,8м и всеми необходимыми расчётами. Профессор Голубев был весьма удивлён таким результатом и предложил идти к нему в аспирантуру учиться дальше. Но узнав, что этого студента забирают в армию, выразил сожаление, оставив своё предложение в силе и после службы в армии.

В итоге Иван Петрович защитил дипломный проект даже досрочно от графика и сразу уехал в Ленинград. Потом недели через три получил диплом вместе с повесткой о призыве в армию. Военное НИИ прислало вызов на него, но по приказу министра обороны, таких как он, брали в первую очередь в строевые части, поэтому в военкомате вызов похерили, дали месяц отпуска и предписание явиться в штаб авиации Московского военного округа в апреле, для прохождения службы в одной из частей.

С этим предписанием он и уехал домой улаживать свои, запутанные им самим, семейные дела. Всё это было очень тяжело, тем более что он был не прав, развода так и не получил и вернулся в Москву для призыва в армию. Так закончились его студенческие годы, которые многие называют лучшими годами жизни и, наверное, это так: есть успех поступления и учёбы в институте и впереди такая же успешная жизнь – все пути открыты, нужно только правильно распорядиться и выбрать правильный путь, а вот этого многие из нас как раз и не умеют.

IV

Апрельским утром, Иван Петрович приехал, или как говорят военные, прибыл в штаб авиации Московского военного округа – это на Ленинградском проспекте г. Москвы, рядом с существующим тогда городским аэровокзалом. Там по повестке выписали ему пропуск и направили в строевой отдел, занимающийся кадровыми вопросами. Это был второй призыв офицеров из институтов, поэтому кадровики ещё не знали, как с ними обращаться и распределение по частям проводилось с правом выбора. Ему предложили место службы в г. Торжок или в Кубинке под Москвой. Торжок далеко, а Кубинка близко и он выбрал Кубинку. Правда предупредили, что в Кубинке стоит авиационная дивизия, два полка в Кубинке, а третий в другом месте, по его представлениям где-то неподалёку. Вместе с Иваном Петровичем туда же распределился и выпускник соседней группы, с которым они на следующий день и поехали в Кубинку – Иван Петрович из общежития, а второй из дома – как москвич.

В Кубинке, в штабе дивизии разговор был короткий – дали направление именно в третий полк, который, как, оказалось, находился под Смоленском – 400 км от Москвы. Вот тебе и Подмоскowie. Но делать нечего, они получили предписания и проездные документы от Кубинки и вернулись в Москву собирать вещи.

На следующий день встретились на Белорусском вокзале, доехали электричкой до Можайска, там пересели на поезд до Смоленска, от Смоленска до городка, где была комендатура и жила часть офицеров, а уже оттуда в часть – 15 км пути. В штабе полка их представили непосредственному командиру подразделения старшему лейтенанту Степанову, под началом которого предстояло служить. Ещё дали направление в офицерское общежитие, пообещав решить и жилищный вопрос: он и его товарищ были семейными – тот фактически, а Иван Петрович уже только по бумагам.

Первые дни получали обмундирование, шили форму, знакомились с сослуживцами и командирами. Таких офицеров – двухгодичников в полку было около 30 человек: одних призывали, оторвав от работы, других сразу после института, как и их. Жизнь в офицерской гостинице – это то же общежитие, тот же быт, только кормили офицеров бесплатно в офицерской столовой, здесь же в части.

Примерно месяц ушёл на изучение служебных обязанностей и техники. Местом их службы стало обособленное подразделение полка, под постоянной охраной извне, где размещалось несколько складов с ракетами, бомбами и снарядами, которые обслуживало подразделение из пяти офицеров, трёх прапорщиков-сверхсрочников и двадцати солдат срочной службы.

Полк был боевой – как оказалось единственный в то время боевой истребительный полк фронтовой авиации в Московском военном округе – МВО, и имел сорок истребителей МИГ-21, здесь же базировался и другой полк – разведчиков, оснащённый самолётами ЯК-28.

Солдаты жили в казармах, офицеры холостые в гостинице, а семейные – здесь же при части в жилых пятиэтажках или в городке: 15 км от части, где была целая улица жилых двухэтажных домов для военных. Как раз там Иван Петрович с сокурсником и получили по комнате в трёхкомнатной квартире.

Для Ивана Петровича это было первое собственное жильё, пусть и коммунальное, но уже и не общежитие. В мае приехала его девушка, посмотрела на это жильё: пустое, с одной раскладушкой, на этот городок, где предстояло жить, и уехала обратно для окончательного решения.

А в начале июня начались военные учения. Полк подняли по тревоге и стали перебрасывать в Забайкалье к китайской границе. Весной 1969 года произошёл военный конфликт с Китаем на Амуре. Китайцы перешли границу, захватили остров Даманский и убили несколько советских пограничников. В ответ наши войска уничтожили нарушителей на острове Даманский, ракетной артиллерией типа «Катюши», после чего наступило затишье.

И вот переброска авиационного полка. Офицерам полка объяснили, что в Забайкалье боевых авиационных частей нет, а с китайской стороны около 500 самолётов МИГ-21 и полк направляется для прикрытия границы, под видом учений, на аэродром Борзя – на стыке российской, китайской и монгольской границ – это примерно 6 000 км от их аэродрома. Переброска будет производиться по воздуху двумя полками военной транспортной авиации на самолетах АН-12, а истребители МИГ-21 будут перелетать сами, с посадками в гражданских аэропортах Кустанай и Новокузнецк. Всем офицерам выдали личное оружие и сухой паёк на два дня.

Всё происходило так:

Прибыли самолёты транспортной авиации, туда погрузили военное снаряжение полка и личный состав, а Иван Петрович с сослуживцами погрузили ракеты по три комплекта на каждый самолёт и полетели вместе с ракетами.

Посадка в Кустанае. Садятся первые десять самолётов с батальоном охраны. Военные оцепляют аэропорт, все рейсы отменяются, людям запрещается покидать аэровокзал. Затем садятся самолёты со специалистами и имуществом нашего полка. Готовятся все службы и встречают самолёты МИГ-21, которые садятся один за другим, так что по полосе катятся одновременно два – три самолёта. Потом садятся другие транспортные самолёты. Всего получалось около 80-ти самолётов. Час – полтора проводилась подготовка и затем все улетали в том же порядке. Можно представить, что думали обо всём этом пассажиры в аэропортах.

Помнится, в Новокузнецке, Иван Петрович зашёл в аэровокзал попить воды в буфете, так какая-то женщина схватила его за гимнастёрку и стала кричать: «Скажите это война, да?», он сказал, что нет, это учения, но женщина не поверила. В общем, доходило до истерик. В такой обстановке, за сутки полк перебрался в Борзю и сразу лётчики приступили к боевому дежурству – летали с подвешенными ракетами, а остальные разбили палатки и, как говорится, несли службу.

Недели через две режим боевой готовности сняли, и можно было съездить в г. Борзю, который оказался похож на родной городок Ивана Петровича – такой же захолустный деревянный городишко. Правда здесь оказалось много девиц лёгкого поведения, но тогда это была наклонность, а не профессия, административно высланных из Москвы. Услугами этих девиц тут же воспользовались некоторые офицеры его полка. Благо у офицеров тогда деньги были – они получали примерно в два раза больше, чем инженеры того времени, а сейчас и те и другие уравнились на черте выживания.

Эти профессии стали не нужны стране, а вернее руководству страны, тогда как проституция стала наоборот востребованной и престижной профессией – в этом и разница между тем и этим временем, между социализмом и капитализмом, между созидательным трудом и торговлей, вернее торгашеством.

Иван Петрович тогда решал семейные вопросы, было не до развлечений, он позвонил своей избраннице в Ленинград и сказал, что через месяц должен вернуться с учений, комната свободна, и она может приезжать, не дожидаясь его. Что она и сделала. А он продолжал нести службу в условиях Забайкальской полупустыни. Июнь месяц: ночью холодно, чуть не до заморозков, а днём на солнце и если укрыться от ветра – палящая жара, но стоит высунуться, как холодный пронзительный ветер пробирает до костей.

Через месяц, в верхах СССР и Китая видимо договорились и полк был отправлен назад тем же путем. Но в этот раз, появление военных в аэропортах не вызывало паники населения, напротив встречали их приветливо и с интересом следили за военными маневрами. По возвращении, этот перелет полка назвали учениями по переброске воинских частей на большие расстояния, полку объявили благодарность, а командира полка назначили заместителем командира дивизии.

Через несколько месяцев командир дивизии -генерал погиб от удара током в ванной, где он пользовался каким-то электроприбором. Их полковника назначают командиром дивизии, потом наверху происходят перемены и он уже заместитель командующего авиацией округа. А не было бы этих учений и ничего бы этого не было. Впрочем, полковник был человек достойный, чего не скажешь о нынешних везунчиках власти – вот уж действительно лилипуты и физически и умственно.

Недавно, верховный главнокомандующий ДАМ (Медведев) хвалился по телевизору, что реформа в армии завершена, в основном, и теперь остались только части постоянной боевой готовности: через час они уже готовы к бою. Спрашивается: с кем через час может воевать Таманская или Кантемировская дивизии, расположенные в Подмосковье, как не с народом – ведь до врага на границе надо добираться не одни сутки. Но такой вопрос слишком сложен для ДАМа, его табуреточного министра обороны и им подобных деятелей нынешней России. Случайные проходимцы зацепились зубами за власть – вот и все их мысли и рефлекс. А

пока вперёд: от двуглавого орла на гербе страны к двуглавному президенту в Кремле, от ВлаПу (Путин) к ДАМу и обратно, «такая вот загогулина панимашь», как говорил их крестный отец ЕБоН (Ельцин).

Вернувшись назад на свой аэродром, в полку начались воинские будни. Служба Ивана Петровича заключалась в следующем: он проводил занятия с солдатами по подготовке ракет – для их выдачи по тревоге в эскадрильи. Надо сказать, что один боевой комплект на каждый самолёт находился на тележках, которые были сцеплены в автопоезд по эскадрильям. По тревоге приезжали машины, цепляли по такой связке тележек и развозили по эскадрильям, а там уже оружейники подвешивали ракеты на самолёты.

Такие учения проводились регулярно, а потом ракеты возвращались обратно. Второй и третий комплекты ракет находились здесь же: на складе в ящиках. Эти ракеты нужно было регулярно, один раз в три месяца проверять на исправность на специальном оборудовании – именно за эту проверку он, с товарищем по институту, и отвечали и сами работали на этой аппаратуре: так должность и называлась – техник по КПА.

В остальное время были: дежурство на позиции, раз в месяц или даже реже дежурство в полку или в комендатуре или патрулем в городке, где они и жили. Обычный распорядок дня: подъем в 7.00, в 7.30 отъезд в полк на грузовиках «Урал», крытых брезентом – это примерно 15 км, там завтрак в офицерской столовой, с 9.00 работа в подразделении, потом обед и в 17.00 отъезд из полка домой. Выходной день – воскресенье, в понедельник утром построение полка, потом день физкультурника, т.е. занятия физкультурой с солдатами или самостоятельно. Обычно играли в футбол: офицеры и прапорщики против солдат – это добавляло азарта.

Быт тоже немного налаживался – была комната в трёхкомнатной квартире, где жили ещё две семьи молодых офицеров, кухня с газом и холодной водой, туалет и ванная комната, где горячая вода обеспечивалась титаном, который топился дровами. Поэтому, в субботу, возвращаясь из части, офицеры прихватывали с собой связку дощечек или чурок, чтобы протопить титан и помыться.

В комнате, где проживал Иван Петрович с женой, были только самодельный диван и столик, да самодельная вешалка для одежды. Совместная жизнь это уже не встречи, нужно приспособливаться друг к другу, а это не всегда получалось. В Библии сказано: «жена да прилепится к мужу своему», но у нас же равноправие – женщины не приучены уступать, отсюда и многие неприятности, которые не обошли и их. К тому же неопределённое будущее после армии являлось дополнительным средством раздражения.

В итоге, Иван Петрович решил, что жене надо поступать в институт в Москве на очное отделение по её выбору, он будет помогать материально, а после армии и сам попробует зацепиться в Москве – поодиночке это было проще – через общежитие, потом коммуналка и в далёкой перспективе получение бесплатной квартиры. Это сейчас покупай квартиру в любом городе и живи там: только, кто и на какие деньги может сделать это, вот вопрос.

Тогда из этих планов ничего не вышло: жена уехала на родину улаживать какие-то дела с родственниками, все сроки для поступления в ВУЗ прошли, и в конце сентября она вернулась окончательно, кое с каким имуществом из родительского дома. Надо сказать, что её родители умерли задолго до знакомства и из родных у неё были только сводные по матери брат и сестра, причем значительно старше по возрасту.

В октябре оказалось, что они ждут прибавления семейства, а это меняло все планы. Нужно было приспособливаться к этим обстоятельствам, зарплаты начинающего офицера – алиментщика не хватало, и жена стала работать, сначала в магазин, подсобницей, за что Ивану Петровичу в штабе полка сделали замечание: не к лицу, жене офицера работать подсобницей. Тогда она устроилась работать в местный промкомбинат вязальщицей – вязать свитера и платья на ручной вязальной машине, где и проработала до его демобилизации из армии.

Так началась рутинная жизнь в провинциальном городке. Служба в полку – та же работа, вечером домашний ужин, иногда поход в кино: телевизора не было, да и приём передач из Смоленска за 40 км был неустойчивый. На праздники – в дом офицеров или в городской клуб, особенно если приезжали какие-то артисты или местная самодеятельность.

Так прошли осень и зима. На службе дел было немного и чтобы не ржавели мозги, Иван Петрович придумал учиться заочно в университете марксизма – ленинизма: трёхгодичное обучение при политотделе округа. Если учиться обычно как все – то никаких проблем. Приезжали лекторы, читали лекции, потом семинары и зачёты автоматом. Но он же хотел за два года закончить трёхгодичное обучение, тогда спрос по полной программе: конспекты по всем предметам – философия, исторический и диалектический материализм, политэкономика, история КПСС и ещё что-то, уже и не припомнить. По темам – письменные рефераты, экзамены с пристрастием: в армии не любили, когда делалось что-то не в установленном порядке, а пройти курс за два года вместо трёх – это непорядок.

Таким образом, Ивану Петровичу пришлось перечитать и законспектировать основные работы Ленина, Маркса и Энгельса и несколько учебников по указанным предметам.

Уже в те времена никто не читал этих классиков, а пользовались учебниками, написанными штатными толкователями марксизма – ленинизма, которые сидели на тёплых местах в партийном аппарате, в ВУЗах и различных академических институтах: философии, истории, экономики. Именно они, извратили и предали учение о социализме, а потом предали и саму страну. Сейчас ложь и грязь о социализме льётся, как из сточной трубы, не переставая, из всех средств массовой информации: теле, радио, газеты и печать.

Какое же мнение сложилось у него о Ленине, тогда в конце 60-х годов после Хрущёва и при раннем Брежнев?

Ленин философ конечно неважный. Философские его работы написаны суконным языком, малопонятным, например «Материализм и эмпириокритицизм». Стратегически на перспективу его взгляды тоже были достаточно смутны, например «Государство и революция», где он пытался, не совсем удачно, определить основы будущего социалистического общества. Да и в национальном вопросе он ратовал за полную самостоятельность наций, а к чему это привело, показал насильственный развал Советского Союза, когда верхушки наций развели народы по собственным, так сказать, «независимым» государствам. Это примерно, как если бы жилой благоустроенный многоквартирный дом распилить на отдельные квартиры и растащить их бульдозером по участку при доме, поделив конечно и этот участок на части. Без удобств, в грязи, но зато отдельно.

А вот тактик Ленин был гениальный. Он часто повторял наполеоновский лозунг: «Нужно ввязаться в бой, а там видно будет». И в этих боях он видел дальше и действовал лучше всех других, что и обеспечило его победу. Неважно, почему он стал революционером: хотел отомстить за брата или боролся за идеалы коммунизма и т.д., важно, что он спас страну и народ от гибели, а история такова.

К началу Первой мировой войны в 1914 году, Россия была отсталая, нищая страна. В ней проживало 160 млн. человек, из них: 3 % господ и зажиточных (купцов, фабрикантов, попов, кулаков и т.д.); при них -10 % лакеев; еще 2 % – рабочие; а остальные – это крестьяне, ведущие натуральное хозяйство – что вырастили, то и съели.

Этих крестьян окончательно добились реформы Столыпина. Из каждых пяти лет царствования Николая II два года были голодными, иногда голодало до половины населения страны и люди гибли миллионами, так что советский «голодомор» 1933 года – это вполне рядовой дореволюционный голод при «батюшке» царе.

Надо сказать, что голод 1933года был последним при Советской власти с массовой гибелью людей и спровоцирован он саботажем кулаков против коллективизации сельского хозяйства. Кстати, в 1931-33гг в США был тоже массовый голод с гибелью от 5 до 7 млн людей и

связан он с кризисом капитализма, при этом, продовольствие в США было, но уничтожалось, чтобы цены не снижались. Но голод 1933 года в СССР подается в печати как изуверство большевиков, а о голоде в США – в то же время, нигде ни звука: такова нынче свобода слова!

Ввязавшись в войну, царский режим к февралю 1917 года окончательно рухнул и Николай II Кровавый отрёкся от престола за себя и за своего сына. Другие члены царской семьи не захотели этой работы – царствовать в России и страна оказалась без руководства.

Незаконная Государственная дума, которая уже дважды, законно, была распущена царём ещё до его отречения, собралась и незаконно избрала Временный комитет. Этот комитет, также незаконно, избрал Временное правительство: тогдашних демократов, которые называли себя социалистами, кадетами, эсерами и прочими.

Это был незаконный захват власти буржуазией, переворот, но переворот своих, а когда потом эту шайку выгнали большевики, то мировая «капиталистическая общественность» заклеила большевиков за свержение якобы законного Временного правительства. Интересно, что и сейчас в Российском уголовном кодексе есть статья за попытку государственного переворота, а вот за сам переворот статьи нет. Поэтому Ельцин, совершив переворот в 1993 году не наказан, а с почестями провожен на тот свет, в один из кругов ада, где он, наверное, радостно встречен, как предатель, вечной пыткой по усмотрению чертей.

Но тогда, в марте 1917 года, большевики не только не имели никакого влияния, но и мало кто о них слышал. Это уже потом, в истории КПСС, роль большевиков была написана на бумаге одной из главных в этой пьесе о революции.

Ленин умело боролся за влияние большевиков на народ и повёл дело к захвату власти: сначала мирным путем, а когда не получилось, то и вооружённым восстанием, тем более, что «Временные» своими действиями всячески способствовали большевикам и уровень тех демократов был не выше нынешних: к чему не прикоснутся – всё превращается в труху. Вот их деяния за полгода, после захвата власти с марта по октябрь 1917 года:

- расстреляли почти всех жандармов и многих полицейских, что привело к разгулу преступности;

- ввели уполномоченных комиссаров при командирах воинских частей, что нарушило управление войсками на фронтах и привело к дальнейшим поражениям и отступлению армии;

- ввели комиссии (продотряды) с комиссарами во главе по изъятию хлеба у крестьян силой, что вызвало массовое недовольство крестьян;

- организовали концлагеря для недовольных – куда сажали без суда и следствия;

- сохранили помещичью собственность на землю;

- провозгласили продолжение войны до победного конца.

Сейчас всё это приписывается большевикам – очередная ложь режима. Этого достаточно, чтобы понять, почему большевики, по некоторым данным без единого выстрела, так легко захватили власть в октябре. Под лозунгами: «Мир народам», «Земля крестьянам», «Фабрики рабочим».

Большевики незаконно свергли незаконное Временное правительство, так как царь Николай II, отречшись, не оставил законных способов восстановить власть в России. Да и сами Романовы (до коронации Михаила в 1613 году – Захарьины) пришли к власти в России в смутное время в результате интриг и подлогов, даже сменив фамилию, но это уже другая история.

Царя Николая II народ прозвал «Кровавым» за все расстрелы, виселицы и бедствия им причинённые, но сейчас церковь и режим объявили его «святым великомучеником» лишь бы опорочить большевиков. А проклинаемого церковью, царя Ивана IV народ прозвал только «Грозным», так как он сводил счёты, в основном, с боярством (типа нынешних губернаторов) и церковью для укрепления Государства Российского.

Мировая капиталистическая «общественность» и зажиточные классы России (3%) и их лакеи, конечно, были возмущены, что «чернь» пришла к власти, развязали интервенцию и

гражданскую войну, три года стреляли, вешали и пытали людей и разрушали страну, но большевики, опираясь на поддержку народа, выстояли, победили и сохранили целостность России под руководством Ленина.

Тогда Иван Петрович многого, конечно, не знал, но читая Ленина, особенно его переписку, поражался точности решений, скорости действий и бескорыстной преданности делу революции. Ленин убеждал соратников в правоте своих решений, объяснял вновь, если его не понимали, и только с третьей попытки действовал жёстко и властно в интересах дела. Иногда и ошибался, но не считал зазорным признать и исправить свои ошибки.

А сейчас? Якобы президент страны – ДАМ, ведёт какое-то заседание руководителей и на попытку одного из них что-то сказать, обрывает: «Ваше дело слушать и исполнять, мои слова отлиты из гранита». Куда там царям и вождям! Уже появилось и выражение по этому поводу: «Ну ты и сказал! Как отлил!». В общем, люди всё понимают, но силы уходят на добывание средств существования: примерно, как северные олени добывают копытами мох ягель из-под снега, а в это время чукчи режут их по мере надобности.

Но вернёмся к армейской службе. По гарнизону Иван Петрович ходил с томиком Ленина под мышкой, титульной обложкой наружу, поэтому встречные командиры частенько заранее переходили на другую сторону, чтобы не ввязаться в дискуссию с ним по вопросам марксизма – ленинизма. Вдобавок, замполит полка, подполковник, учился заочно в военно-политической академии, Иван Петрович давал ему свои рефераты и конспекты, их переписывали и отправляли в академию, где они вполне успешно засчитывались замполиту, за что тот, взамен, покрывал некоторые его проступки.

Например, такой. Лето, воскресенье, офицеры-призывники собрались на рыбалку, и Иван Петрович, как оружейник, подготовил пороховые заряды глушить рыбу. У городка протекала речка Оша, небольшая, метров десять ширины, но в глубоких омутах водилась рыба, а в километре от города речка образовывала широкую заводь, которая служила местом купания горожан.

Офицеры подъехали туда, отошли вверх по течению метров триста, посидели, попили портвейна, а Иван Петрович взял да и бросил заряд в омут. Взрыва было не слышно, но берега вздрогнули, всплыла оглушённая рыба, а на пляже раздались крики и люди, как пингвины, выскочили на берег. Взрывная волна по воде дошла и туда и ощутимо ударила, потом туда доплыла и оглушённая рыба, там были и другие офицеры с семьями.

В понедельник, перед строем полка, Иван Петрович получил выговор от командира, а положена была гауптвахта, но заступился замполит. И о гауптвахте. Она находилась в Смоленске, офицеру была положена отдельная камера, что не всегда было в наличии. Однажды, один из офицеров-призывников был послан на гауптвахту на десять суток. Дней через пять начштаба полка звонит туда: как там наш офицер, как себя ведет, а ему отвечают – такого нет.

Стали искать: нигде нет, а на десятый день, этот офицер является в часть и говорит, что мест на гауптвахте не было – он жил в гостинице, утром приходил, опять мест нет, вот он и ждал, а время проводил в своё удовольствие, пока не закончились деньги. Проверили, так всё и оказалось. С тех пор сначала обеспечивали место на гауптвахте, а уже потом отправляли наказанного офицера с сопровождающим. А тот хитрец так и не посидел на гауптвахте – командир решил, что это отдых, а не наказание.

Бывало, с томиком Ленина и с сослуживцами Иван Петрович переходили взлётную полосу аэродрома и там, в деревне Алексино, можно было спокойно попить пива или вина – главное чтобы вдруг не объявили тревогу и не опоздать на машину для отъезда домой.

Из такой жизни выделялись дни дежурств по комендатуре или патрулированию в городке. Перед дежурством – утром инструктаж у начальника штаба, потом отдых и вечером начало дежурства на сутки. В течении суток много обязанностей: звонки, отправка машин в

часть, практически сутки на ногах без сна – то солдат пьяный, то свет отключат, то драка – за всё отвечает дежурный.

Патрулирование по городу тоже имело свои особенности. Патруль – это офицер и двое солдат, все вооружены, офицер – пистолетом, солдаты – ножами. Задача ходить по городу по маршруту, проверять документы у солдат или если офицер выпил, и его задержала милиция, то надо забрать его из милиции и проводить до дома. Утром надо было взять оружие в части, потом инструктаж у начштаба, где он говорил, что делать и как себя вести и всегда упоминал: помните о том случае?

А случай заключался в следующем. Патруль зашёл в клуб, где были танцы, офицер отпустил солдат в зал потанцевать, остался один, в это время в фойе завязалась драка, стали бить и офицера, он достал пистолет и застрелил одного из нападавших. Дело квалифицировали как нападение на патруль и офицера наказали переводом в другую часть, так как он не должен был стрелять в помещении.

И вот начальник штаба всегда инструктировал так: напали на тебя в клубе, кинотеатре или ресторане – ты его выведи на улицу и там застрели, тогда будешь прав. И ведь верно, тогда всё будет по закону, вернее по уставу караульной службы.

Вот в таких условиях службы прошли осень и зима, а весной следующего года в апреле начались общевойсковые учения «Двина», где участвовал и их полк, который перебросили в Белоруссию, под Бобруйск.

Недели две прошли в переездах и перелётах, а в те времена был такой порядок – куда самолёты, туда и вооружение для них, а с этим вооружением и кто-то из их команды. Даже если один – два самолёта улетают куда-то в ремонт или по другой надобности, всё равно следом, на вертолётах везут ракеты и Иван Петрович на этих ракетах в грузовом отсеке. Если какая авария с вертолётom, ракеты, конечно, взорвутся и как говорится, кусочков не останется.

За службу налетаться пришлось немало. А на учениях «Двина» лётчики полка отлетались как надо и отстрелялись хорошо и всех кадровых офицеров полка наградили юбилейной ленинской медалью и офицеров – двухгодичников: Ивана Петровича и его товарища тоже – единственных из 30 таких же офицеров. Лётчики тогда летали много, не менее ста часов в год на лётчика – истребителя. В полку в неделю было два лётных дня, хватало и керосина для полётов, и самолётов и лётчиков.

Это сейчас, выпускник лётного училища приходит в часть, прослужит несколько лет, дослужится от лейтенанта до майора, так и не совершив ни одного самостоятельного вылета – нет керосина, нет самолётов исправных. В те годы военная авиация получала до 500 самолётов и вертолётom в год, сейчас 10-20 штук, куда всё делось? Где деньги? Они у Абрамовичей и Фридманов.

Сразу после учений Ивану Петровичу пришлось направиться в госпиталь, проверить здоровье. Что-то было не так, а в чём дело непонятно. Он связывал это с психологическим состоянием – служба это временно, а что дальше – ни кола, ни двора, отсюда и угнетённость, слабость и т.д. Госпиталь был в Смоленске, он провел там целый месяц на диете – пока проверялся, всё оказалось в норме, кроме нулевой кислотности желудка.

За этот месяц, на молочной диете он отощал окончательно и решил ехать в часть – чуть ли не умирать. После госпиталя в армии было положено две недели отдыха, которые он и провёл дома – здесь питание домашнее, никакой диеты, плюс портвейн за встречу, за то – сё: глядь – стало лучше. Знакомый военврач сказал, что не надо употреблять натурального молока и дело пошло на поправку.

И ещё одно обстоятельство. В авиационных частях традиционно употребляли много спирта, который полагался для производственных нужд. Этот спирт, достаточно хорошего качества, экономили, а потом употребляли внутрь и офицеры, и прапорщики и даже солдаты – при случае. Был этот спирт и у них в подразделении, он применялся при проверках ракет и

конечно оставались излишки. Бывало, офицеры идут на обед, немного махнут разбавленного спирта, закусят сухариком или просто снегом и в столовую уже приходят готовыми к приёму пищи. Также и в конце дня. Многие так и спивались, а Ивану Петровичу оказалось, что спирт нельзя, вот здоровье и пошатнулось. Пришлось отказаться от спирта и дело пошло на поправку.

В июне у них родился сын, появились постоянные дела и семейные заботы. Стало не до внутренних переживаний и сожалений: ребёнок и его здоровье главнее, тем более первый ребенок, в воспитании которого нужно было принимать непосредственное участие, а родители они были молодые и неопытные, родственников поблизости не было и всё решали сами, по своему разумению. Даже имя целый месяц не могли придумать. Поэтому Иван Петрович пошёл в загс, назвал сына тоже Иваном и признал своё отцовство – формально его прежний брак ещё сохранялся на бумаге. Впрочем, вскоре он получил развод, после которого сын получил отца, а дочь его лишилась.

Лето было в разгаре, они успешно или не очень проходили курс молодых родителей, а служба шла своим чередом.

В июле полк получил новую технику – самолёты МИГ-23, вместо МИГ-21. Тогда перевооружение производилось целыми полками, и поставить в полк сорок новых самолётов не составляло проблем. Лётчики уже прошли курсы обучения, а вооружение осталось прежним, так что Ивану Петровичу переучиваться не пришлось. Получение новой техники было обставлено как торжественное мероприятие. Личный состав полка был выстроен на аэродроме, приехал министр обороны маршал Гречко со свитой, командующий авиацией и ещё толпа всяких генералов.

Все стояли и ждали прилёта самолётов. За министром обороны чуть сзади стоял полковник с подносом в руках, на котором стоял графин с водой. Было жарко: вдруг маршалу захочется попить, вот тогда полковник и подаст водичку.

Появились самолёты и один за другим пошли на посадку. Часть самолётов пилотировали лётчики полка, а часть лётчики с завода – изготовителя. Всё заполнилось грохотом двигателей, потом стихло, министр поздравил всех с получением новой авиационной техники, сел в самолёт и улетел, а командующий авиацией обошёл строй полка, тоже поздравил всех, потом солдат увели, остались одни офицеры в строю и тогда генерал стал обходить и спрашивать каждого: нет ли каких жалоб и пожеланий.

Оказывается, так было принято проводить командирский смотр. Кто-то жаловался, что не присваивают очередное звание, кто-то просил квартиру, кто хотел перевестись в другую часть – все эти просьбы записывались сопровождавшими офицерами и, как оказалось, по всем им был дан ответ в письменном виде, а за или против – это уже кому как повезло.

Подошла и очередь Ивана Петровича, он представился генералу: «Инженер – лейтенант Домов». Надо сказать, что все офицеры были в парадной форме: погоны у лётчиков были золотистые, у наземного состава – серебристые. У лётчиков уже все училища были высшие, а техническому составу высшее образование давала только академия, в которую тогда принимали после нескольких лет службы в частях, поэтому офицера-лейтенанта с ромбиками на груди о высшем образовании не могло существовать в принципе.

Генерал обратился к командиру полка и спросил, кто это такой. Командир ответил, что это офицеры, призванные в армию на два года после института. Генерал ещё спросил: как этот офицер служит и командир ответил, что нормально. Тогда генерал спросил Ивана Петровича: не хочет ли он остаться в армии кадровым офицером. Тот ответил уклончиво, что не думал ещё об этом. Генерал спросил партийный ли он и, услышав ответ, что нет, повернулся к командиру полка и приказал ему: принять этого лейтенанта в партию и оставить его служить кадровым офицером.

Генерал не имел представления, что заставить человека служить всю жизнь в армии уже нельзя и, как бы сейчас не клеветали на Советскую власть, но человек, в СССР уже сам выби-

рал свой путь. С этого времени и до конца службы, Ивану Петровичу постоянно предлагали написать рапорт и остаться в армии. Сулили всякие блага, а именно: сразу очередное звание, квартиру, майорскую должность – т.е. через три – четыре года уже майор, но он так и не согласился, а может быть и зря – бытовые проблемы были бы сразу решены.

Откуда берутся такие генералы, объяснялось действующей системой подготовки офицеров. В училища шли выпускники школ по направлениям военкоматов. Кто поступал, тот после училища служил в войсках и ждал разнарядки в академию. Ежегодно в части приходила разнарядка по специальностям в академию из расчёта двух человек на одно место обучения, например, на сто мест по специальности направляется двести человек, чтобы был конкурс. Приходит заявка в часть, кого пошлёт командир? Хороший специалист и ему нужен, поэтому, посылали не нужного: от которого хотели избавиться таким образом. Эти двести человек собираются на сборы, где их готовят полтора – два месяца к экзаменам – потом сдают экзамены. Кто лучше сдал того и зачисляют. А если, например, все дураки? Тогда, из двухсот дураков, отбирают сто лучших, иногда и не сдавших какой-то экзамен – даже на тройку. Потом, эти отобранные учатся, кое-как заканчивают академию и возвращаются в части уже командирами, часто туда же откуда их направили и если тот командир, кто их направил, всё ещё служит в этой части, то хватается за голову: думал избавиться от негодного, а получил назад, да ещё и с повышением. А дальше примерно такой же отбор – так дослуживаются и до генералов.

В заботах о ребёнке прошло лето, потом отпуск, в который удалось съездить и к матери и с ребёнком к сестре жены в гости на Урал. А вернувшись в часть, Иван Петрович сразу же был отправлен на очередные учения под Волгоград: там под Ахтубинском был лётный полигон, где авиационные и ракетные части проводили учебные стрельбы, подошла и очередь его полка, при этом руководству страны – СССР планировали показ новой авиационной техники, так что военных нагнали много.

Офицеров разместили в казармах, а солдат в палатках на окрестных полях – бахчах, усеянных арбузами. Все объедались этими арбузами до расстройств желудков, лётчики летали и стреляли, остальные делали своё дело и учения шли в заведённом порядке. Помнится, проблема перед сном – куда деть свой пистолет? Под подушку – может упасть с двухъярусной кровати вниз, оставить на себе – мешает спать, а положить рядом – есть опасение, что кто-нибудь возьмёт из другой части, а утеря оружия – это серьёзный проступок.

Потом на учениях разбился самолёт другого полка, показ техники отменили, и через две недели удалось вернуться домой.

Наступила осень, служить оставалось полгода, а куда потом – полная неизвестность. По службе Иван Петрович несколько раз был в Кубинке, оттуда ездил в Москву к знакомым, пытался за что-нибудь зацепиться, но не удавалось.

Служба шла, были и дежурства и патрули. Вспомнилось о дежурствах по полку. Тогда офицерам приходилось посещать и солдатские казармы. Солдат в полку было чуть больше, чем офицеров и все они прошли полугодовую подготовку в школах младших авиационных специалистов – ШМАС, поскольку необученного солдата к самолёту или вооружению допустить нельзя, а за технику отвечают офицеры. Так вот, среди солдат в те годы какой-то дедовщины не было, в том числе в их полку и вспомогательных частях – стройбат, рота охраны, т.к. не было причин для вражды. Конечно, при дембеле, отслужившие солдаты менялись формой с новобранцами – всем хотелось появиться дома в новой форме, но даже и здесь договаривались.

Офицеры, призванные на два года общались с солдатами на равных, за что не раз получали замечания от командиров, что офицеры должны держаться обособленно от солдат, а вот потом, на гражданке и становитесь равными. Может отсюда и пошло расслоение армии на касты, потом на группы: по стажу службы, национальности и т.д., а отсюда рукой подать и до вражды, тем более, что офицеры предпочитают сейчас не вмешиваться в солдатские отношения, хотя и должны.

Иван Петрович вспомнил, что один солдат стал появляться с синяками на лице и руках и когда офицеры спрашивали: не бьют ли его, он отвечал, что нет. А сослуживцы говорили: чуть его тронешь, как у него синяк. Этого солдата отправили в госпиталь, у него оказалось редкое заболевание крови, вот и вся дедовщина.

Так незаметно военная служба подошла к концу. Вспоминая эти годы, Иван Петрович часто удивлялся, как много деталей осталось в памяти: всякие случаи, казусы и потом, встречаясь с такими же офицерами, они постоянно вспоминают это время. Но армейская служба создала и большие трудности в устройстве дальнейшей судьбы, так как, отслужив, эти офицеры возвращались из армии теми же выпускниками института, в то время как их товарищи по учёбе уже поработали по специальности два года, определились с перспективами и как-то устроили свой быт. А Ивану Петровичу пришлось всё начинать с нуля.

V

В апреле Иван Петрович демобилизовался из армии с выходным пособием в размере двухмесячной зарплаты и с военным билетом офицера запаса. Других документов не было: паспорт был сдан в военкомат при призыве, а удостоверение военнослужащего было сдано при демобилизации. Паспорт могли выдать по месту рождения или по месту призыва, или по месту работы, но на работу нельзя устроиться без документов. Получался замкнутый круг, и он решил демобилизоваться по месту призыва в Москву, хотя и знал, что права устроиться в Москве у него нет – потому, что нет постоянной прописки и жилья.

Жена с сыном и вещами поехала на Урал к сестре, а он с чемоданчиком поехал в Москву, где и остановился у однокашника – того самого Жоры из Ленинграда, который перебрался в Москву, женился и жил с женой в комнате коммунальной квартиры. В этой комнате за ширмочкой нашлось и для него место. Хотя в Москве у Ивана Петровича и были кое-какие родственники, но москвичи крайне неохотно принимали родственников, и в этом отношении дружба оказалась сильнее родственных связей.

Устроившись с жильём, он поехал в военкомат, откуда его призывали в армию. Там сказали, что его паспорт, который он сдал при призыве, уничтожен, а другой ему могут выдать там, где он принесет разрешение на прописку и будет потом прописан, причём и этот паспорт выдадут только после того, как военкомат перешлёт туда все документы о демобилизации из армии. И начались у Ивана Петровича поиски места работы, где бы ему дали какое-то жильё и прописку. Объехав все предприятия, где работали однокашники, он подключил знакомых, в том числе и профессора Голубева, который был руководителем его диплома. Тот предложил ему аспирантуру с общежитием, но здесь не было никаких перспектив устроиться с семьёй. Надо сказать, что по документам Иван Петрович всё ещё числился холостым: потому что первый брак расторгнут, а второй ещё не оформлен. Это в итоге и помогло. Оказалось, что рабочим он бы мог легко устроиться на работу с предоставлением общежития, а вот инженером это было почти невозможно. Наконец, через партком института, используя личные связи, его знакомые подыскали предприятие, которое могло взять Ивана Петровича на работу – это был машиностроительный завод в городке Московской области, а делал этот завод авиационную технику.

Он поехал на завод на собеседование, его решили взять на работу, но было нужно направление из Министерства авиационной промышленности, как молодому специалисту – выпускнику института. Опять знакомые организовали такой документ, хотя все прекрасно знали, что никакой он не выпускник, так как уже отслужил в армии после института и эта служба засчитывается как отработка по распределению после института.

Завод оформил его прием на работу с предоставлением общежития и с этими документами Иван Петрович направился в паспортный стол милиции. Там начальник посмотрел документы и попросил паспорт для оформления прописки. Иван Петрович объяснил, что паспорта нет после армии и нужно оформить и паспорт и прописку. «Чего захотел, чтобы я ему паспорт

выдал!»— сказал майор и отказал в прописке – ранее он здесь не проживал. И всё началось с начала. Только обращением в областное управление милиции, с помощью газеты «Комсомольская правда», удалось заставить этого майора выдать паспорт и оформить прописку. В те времена, газеты часто помогали восстановить законность, если органы власти на местах их нарушали. А сейчас эта газета поддерживает режим и пропагандирует секс, смакует насилие, защищает воров и т.д.

Кстати, по обращению Ивана Петровича и другим таким же случаям были приняты меры и перестали призывать выпускников в армию прямо из институтов. После окончания института выпускник направлялся на работу по распределению, устраивался, работал два – три месяца и лишь потом его призывали в армию, поэтому он мог вернуться, если хотел, на прежнее место работы. И паспорта перестали уничтожать, их брали на хранение, а после армии возвращали.

Ивану Петровичу на все эти хождения понадобилось полтора месяца и можно считать, что повезло. В результате его приняли мастером в сборочный цех и дали общежитие в бараке 30-х годов, где был только умывальник с холодной водой и туалет – скворечник на улице. Но ему нужно было как-то зацепиться и осмотреться, поэтому он был доволен и приступил к работе.

Работа мастером, конечно, не требует инженерной подготовки – достаточно техникума. Мастер в цеху это погоняло для рабочих и слуга для руководства цеха. Нужно получить задания от начальника цеха или его зама, организовать работу и контролировать исполнение, сдать продукцию ОТК и военпреду и оформить все документы на продукцию и на зарплату рабочим.

Месяца было достаточно, чтобы войти в курс дела. Сложнее всего было наладить взаимопонимание с рабочими: молодой мастер не очень воспринимался опытными слесарями – сборщиками авиационной техники, где требовалось мастерство и опыт. Но постепенно и эта проблема решилась – помог опыт работы до института и армия, правда пришлось перейти в общении на матерно-технический язык, иначе не понимали.

Помнится, как-то один слесарь работал с нарушением технологии, хотя на выходе деталь получалась почти такая, как нужно. Иван Петрович объяснил ему, почему нельзя нарушать технологию и к чему это может привести. Слесарь не сразу, но послушал, а уже потом в курилке сказал: «Вот ты мастер – инженер, всё мне объяснил, много знаешь, но как я могу тебя уважать, если ты получаешь зарплату в два раза меньше чем я?» и это было действительно так. В СССР ставка инженера была меньше чем тарифная ставка рабочего высокой квалификации, однако, путём надбавок и премий эта разница уменьшалась.

Получалось, например, работает рабочий, повышает свой разряд и получает больше, потом окончил институт, заочно, перешёл работать здесь же инженером и стал получать значительно меньше чем раньше. Никакой логики. Конечно труд рабочего тяжёлый, но только квалификация инженеров и учёных двигает прогресс и повышает производительность общественного труда. Вдобавок, множество должностей на заводах, не требующих институтского образования, занимали именно инженеры и экономисты с высшим образованием, например тот же мастер.

Всё это явилось причиной низких темпов роста производительности труда и медленного внедрения научно-технических разработок. Проще было, ничего не меняя, делать много лет одно и то же, выполняя план, спущенный сверху из министерства. Причём план надо было выполнять ежемесячно: от этого зависят премии. И вот: в начале месяца идёт раскачка, деталей нет и работа стоит, к середине месяца начинается работа, а в конце месяца начинается штурмовщина, когда сдаётся более половины месячной продукции.

Бывало, в последний день месяца часов в 11 вечера ещё не сданы 20-30 штук изделий из 200 за месяц и все бегают от мастера до замдиректора завода, чтобы протолкнуть эти изделия через ОТК и военпреда. Наконец в полночь или даже позднее, поставлены все печати и клейма о сдаче продукции, план выполнен и у начальника цеха отмечается выполнение плана распи-

тием спирта, который, как и в армии, предусмотрен в технологиях. Да и на участке, рабочего можно было заставить остаться сверхурочно или выполнить какую-то работу только за кружку спирта или клея «БФ». Этот клей разводили водой, добавляли соли, взбивали, процеживали, и получался вполне съедобный спиртовой напиток. Так что в процесс производства Иван Петрович вполне вписался.

Теперь о быте. Примерно через месяц после начала работы он подыскал комнату в частном доме километров за тридцать от завода – там было дешевле, всего 15 рублей в месяц. Приехала жена с сыном, которого удалось пристроить в детясли, так как жена заболела и месяц провела в больнице.

Утром в 6 часов он брал малыша на руки и бежал на электричку, сорок минут езды, потом ясли и на работу. Там прокрутится весь день и в полпятого в ясли за ребёнком и в обратный путь. Потом накормить и уложить ребёнка спать, постирать детское бельё, наконец, самому перекусить и на отдых. И так месяц. Удалось найти жильё поближе, всего две остановки от завода на электричке, тоже в частном доме без удобств, но отдельно: кухонька и комната с печным отоплением.

С завода он привёз угля и дров, так и прожили зиму. Материально, конечно, было очень тяжело прожить на неполную зарплату мастера, а жена не могла устроиться на работу, без прописки. Зимой они зарегистрировали брак, у Ивана Петровича оказались сразу и жена и ребёнок и он стал просить жильё на заводе: его поставили на очередь и летом обещали комнату. Это была какая-то надежда на перемены к лучшему, и быт как бы налажился, хотя жена потом постоянно говорила ему, что всю жизнь прожила в нищете, а это одно из худших оскорблений для мужчины, что в итоге и сыграло свою роль в их дальнейших отношениях.

На работе всё шло своим чередом и достаточно успешно, но Иван Петрович уже понимал, что такая оперативная работа и с людьми не соответствует ни его характеру, ни наклонностям – в общем, не по душе.

На ежедневных оперативках у начальника цеха, Ивана Петровича всегда удивляла его оперативная память. Например, без бумажки, по памяти начальник цеха спрашивает мастера, как у нас с деталью 1М1М9263184? И тот без запинки отвечает: сделали 43 штуки, 12 из них на термообработке, 15 в покраске, остальные на сборке. А таких деталей десятки и сотни. Иван Петрович мог ориентироваться только по записям в блокноте, но всего не запишешь, поэтому иногда он и путался, хотя память вроде бы приличная, но, оказывается, на заводе нужна другая. А вот посидев и подумав над какой-нибудь проблемой, он находил хорошее решение – лучше многих других, бившихся над этой же проблемой.

Но пока он работал, как мог, привлекли и к общественной деятельности в комсомоле – как бывшего офицера. Тогда и сделал Иван Петрович попытку вступить в партию – КПСС. Рекомендации ему дали в цеху, но в парткоме сказали: чтобы принять его нужно, для равновесия, принять и рабочего, вот когда он приведет в партию рабочего, тогда и его примут.

Но если руководителю на предприятии членство в КПСС было необходимо, то рабочим партия была уже не нужна. Иван Петрович как-то поговорил с рабочими в курилке, мол, никто не хочет вступить в партию? Один вроде бы согласился и даже написал заявление, но когда узнал, что нужно платить членские взносы с зарплаты и подсчитал, что это обойдется ему в десять рублей в месяц, тут же отказался и забрал своё заявление.

Был случай в цеху, когда рабочий попал в вытрезвитель, его должны были наказать, так он написал заявление в партию, проступок тут же замяли и его приняли кандидатом, а через год он отказался, но это было ещё до прихода Ивана Петровича на завод. Так что в партию в те годы вступали те, кому это было нужно по должности и всякие проходимцы, которые сделали из своей партийности способ извлечения благ и привилегий. Ну а партийной деятельностью, как работой, занимались почти исключительно проходимцы. Впрочем, всем вступающим в 70-

е годы в партию были безразличны уже идеалы социализма, заключающиеся в равенстве, справедливости и благополучии всего народа, а не отдельных категорий граждан.

Один старый рабочий на заводе как-то рассказал Ивану Петровичу, что в 30-е годы в партии регулярно проводились чистки примерно следующим образом. Собиралось общее собрание цеха или завода, если небольшой, избирался президиум из уважаемых людей, в том числе и беспартийных и вызывали членов партии по одному в президиум. Каждый партиец выходил, клал на стол свой партбилет и отчитывался, что он сделал полезного как член партии, потом отвечал на вопросы, потом выступали, кто хотел и давали свою оценку этого партийца, а уж если он врал, то конечно находились люди, которые его знали и уличали во лжи. Затем открытым голосованием всех решался вопрос оставить этого человека в партии или нет. Если да, то партбилет ему возвращали, если нет, то человек уходил без партбилета, и это решение коллектива было окончательным.

Ещё в те годы существовал партмаксимум, по которому член партии не мог получать зарплату больше установленного максимума. Иногда получалось, что директор завода, член партии, получал намного меньше, чем рядовой инженер этого же завода, но беспартийный. То есть и материально членство в партии не давало преимуществ. Были, конечно, небольшие привилегии, но пользовались ими осторожно, потому что все были на виду.

В войну эти идейные большевики пошли на фронт, где погибло более половины лучших членов партии, а их места заняли другие, уже не всегда лучшие. Они, при Хрущёве отменили чистки и партмаксимумы и членство в партии стало поплавком для посредственностей и приспособленцев. В 70-е годы на партработу шли уже исключительно демагоги – приспособленцы, которые не умели и не хотели заниматься реальным трудом, и именно из таких вышли Ельцин, Горбачев и им подобные, которые были уже предателями идей социализма и партии.

Больше о приёме в партию Иван Петрович уже не настаивал – пусть идёт своим чередом, а тем временем наступило лето, завод построил очередной жилой дом, в котором ему, наконец, дали комнату в трёхкомнатной квартире, где была ещё одна семья с двумя детьми-двойняшками.

Это было первое собственное жильё в его жизни. Формально всё жильё в СССР, кроме частных домов, являлось собственностью государства или предприятия, или колхоза-совхоза, но фактически было собственностью проживающих, так как никто это жильё не мог отобрать, выселить людей на улицу, и это жильё переходило по наследству тем, кто был там прописан. Единственное что нельзя было сделать, это продать жильё, полученное бесплатно, но можно было обменять, в том числе и на другой город.

Иван Петрович с семьёй прописались, жена получила возможность устроиться на работу и пошла работать на этот же завод: вроде бы для начала, но так там и осталась. Он впервые в жизни получил возможность выбрать работу не по необходимости, а по призванию, вот только призвания этого не наблюдалось. Через знакомых стал наводить справки, приглашение в аспирантуру оставалось в силе – к небольшой стипендии аспиранта можно было подрабатывать, и он склонялся к этому варианту.

И тут случайно, в электричке встретил своего однокашника, который учился с ним два года, а потом перешёл на заочное обучение. Тот и предложил идти работать к нему в НИИ гражданской авиации – и зарплата больше аспирантской стипендии и ездить на работу ближе: в аэропорт, где и находится этот НИИ. Иван Петрович съездил в институт, поговорил: работа вроде бы живая, можно и наукой при желании заняться. Так и решил.

Сообщил на заводе, что уходит. Сначала на заводе стали искать зацепки, как его оставить. Оказалось, что таких оснований нет: в партию не вступил, а из комсомола уже выбыл по возрасту. Тогда стали предлагать должность замначальника цеха, где работал, потом инженера – конструктора в заводском КБ, но он от этих предложений отказался и с ноября перешёл на работу в НИИ авиации старшим инженером. При приёме на работу, в НИИ долго разбирались,

является ли должность мастера инженерной, чтобы взять его на должность старшего инженера – оказалось что да, можно.

Так и началась его работа в НИИ авиации, которая продолжается до настоящего времени.

Закончив уборку квартиры, Иван Петрович закончил и свои воспоминания об армейских и последующих мытарствах, а внучка, наигралась с котом, побегала, попрыгала, исчеркала несколько листов бумаги каракулями первоклассницы и убежала домой.

VI

День незаметно и быстро шел в мелких бытовых хлопотах. Иван Петрович не переставал удивляться быстрому бегу времени на вечернем склоне жизненных лет. Помнится, в детстве день, особенно летний, тянулся неимоверно долго. Он успевал всё: выполнить домашние обязанности, предаться ребячьим играм и хлопотам, почитать книгу и послушать радиопередачу для детей из черного круглого репродуктора, висевшего в улу комнаты бабушкиного дома. Потом, сбегать на край городка по каким-то делам к приятелям, и еще совершить множество дел и поступков, хороших или плохих – день всё длился и длился. А сейчас: встал утром, повернулся туда-сюда, сделал какую-то мелочь и всё – день кончился. Кажется, должно бы быть наоборот и, приближаясь к неотвратимому небытию, человеческое жизненное время должно замедляться и замедляться, но это не так. Оказывается, в каждом человеке природой заложен ритм времени, который в детстве тикает значительно медленнее, чем в старости – отсюда и ощущение с годами ускоренного бега времени.

Вечером, расположившись с котом на диване у телевизора, Иван Петрович стал щелкать пультом, пытаясь найти на каком – либо канале ТВ удобоваримую передачу, но ничего путного не попадалось. Всё-таки и на ТВ в СССР был разумный компромисс для зрителей: две программы центрального ТВ, местный канал и учебно – познавательная программа. В перспективе предполагались: спортивный канал, природа, киноканал и всё – никакой, конечно, рекламы: вполне достаточно для любых интересов, если ТВ не является единственным способом проведения досуга, а есть ещё книги, увлечения, любительский спорт и прочее. Но разумное устройство жизни осталось в прошлом, а сейчас только ТВ и компьютер или компьютер и ТВ. Безумное множество программ ТВ призвано скрывать убогость нынешней жизни большинства людей и отсутствие у них выбора, поскольку, содержание программ ТВ на различных каналах почти одно и то же, но только почти. Поэтому, обсудить завтра, на работе, просмотренную сегодня передачу будет невозможно, так как твой собеседник, наверняка, смотрел другую программу ТВ из десятков возможных. Это общий принцип действующей демократии: отсутствие выбора при формальном наличии возможности выбора. Кстати, такое мнимое разнообразие вариантов выбора касается и продуктов питания, одежды, бытовой техники, прессы и развлечений: кажется, есть много всего и разного, а на проверку выходит одно и то же, другими словами – подделка. Приходишь в магазин: десятки сортов колбас, сыра, масла, хлеба и прочих продуктов, но невозможно из них выбрать именно то, что желаешь по вкусу, тем более, что одни и те же сорта продукции, но разных производителей – всех этих ООО, ЗАО и прочих акционерных и спекулятивных сообществ, имеют совершенно различное качество и вкус. Да, в СССР было всего несколько сортов этих продуктов, например колбасы, но каждый из них имел свой особенный вкус и этот вкус и качество были одни, что в Москве, что во Владивостоке. И такой подход был во всем: разнообразие небольшое, но вполне определённые вкус и качество.

Наконец, Иван Петрович остановил свой выбор ТВ на выпуске новостей по какому-то каналу. Повторились утренние страшилки, а потом сообщили о каком – то криминальном происшествии в родном ему Сибирском крае. Что там случилось, Иван Петрович пропустил, но упоминание о малой родине вызвало легкую грусть и ностальгию о давно прошедших временах детства и юности и о последних своих посещениях родных мест.

Родные края он покинул около 50-ти лет назад, уехав на учебу в Москву, однако почти каждый год приезжал в свой городок: сначала на каникулы, а потом в отпуск – один или с ребенком. Погостить у матери, отдохнуть от забот, встретиться с друзьями детства, да и просто знакомыми, из тех – кто ещё оставался там, а не уехал в другие края большой страны СССР. Но вот несколько лет назад матери не стало и некуда стало приезжать, потому что никаких родственников: ни близких, ни дальних на родине не осталось – кто уехал, а кто-то уже ушел в мир иной. Правда, два года назад он приезжал летом на неделю в родные края: поклониться могиле матери, хотя и была она в другом городке, куда мать переехала на жительство – поближе к своему второму сыну, сводному по матери брату Ивана Петровича.

В тот раз он заехал, проездом, и в свой городок: побродил по улочкам и переулкам, заглянул к своим знакомым, с которыми наскоро вспомнили прошедшие времена, события и людей из общей юности, как живых, так и ушедших из этой жизни.

Тогда, он вернулся домой умиротворенным и освободившимся от всех гнетущих мыслей и забот, истинных и мнимых. «А почему бы не съездить, на недельку, на родину, по тому же маршруту – только более обстоятельно, без суеты и спешки. Попытаться восстановить и упорядочить в памяти дела и чувства давно минувших лет, прямо там, на местах этих событий и с теми же людьми, если это возможно? – подумал вдруг Иван Петрович – Действительно, почему бы и нет? Срочных дел и текущих обязательств у него нет, а потребность в отдыхе есть и насущная».

С этой мыслью он улёгся спать и, ворочаясь и засыпая, продолжал думать о поездке на родину, пока пелена сна не погасила его сознание.

VII

Впервые за много дней он спал спокойно без сновидений и внезапных ночных пробуждений, а потому, проснувшись утром, был бодр и свеж – как может быть бодр и свеж человек, приближающийся к 70-летнему возрасту.

Ненастье кончилось и за окном светило утреннее солнце, прорываясь сквозь остатки туч, спешащих куда-то на север вслед за ушедшим дождем.

Иван Петрович встал, выполнил утренние процедуры, позавтракал и стал собираться на работу. Сборы заключались в подборе бумаг, разбросанных по письменному столу и укладывании в судок своего обеда на работе. Дело в том, что как профессор и доктор наук он уже не зарабатывал на полноценный обед в столовой или кафе – такова современная Россия – поэтому он, как и большинство его учёных коллег, приносили обед с собой из дома. Этот обед обычно состоял из котлеты или куска мяса, или курицы с гарниром, помидора, огурца или яблока и всё. В течение дня удавалось ещё попить чаю: благо чайник и холодильник стояли тут же в углу рабочей комнаты, так сказать в кухонном закутке, отгороженном книжными шкафами. Нет, конечно, он мог бы пообедать и в кафе, но это стоило бы ему трети дневного заработка профессора.

Так сбылись планы Гитлера: русский человек поставлен демократами на грань выживания.

Снарядив портфель бумагами и едой, Иван Петрович вышел из дома, оставив кота одного в пустой квартире. Надо сказать, что кот всегда ревниво относился к его уходу. В начале кот пытался заигрывать с Иваном Петровичем, хватал его за ноги, ложился у двери и кувырчался, как бы показывая, что уходить не надо, вот же я, оставайся и ты – вместе подремлем на диване. Потом поняв, что Ивана Петровича не остановить, кот стал демонстративно вскакивать на подоконник и, отвернувшись, внимательно вглядываться в окно, показывая спиной свою обиду на уход хозяина. Его возвращение с работы кот также встречал возмущенными криками, до тех пор, пока Иван Петрович не погладит его и не пристроит возле себя на диване. И такой ритуал повторялся всю рабочую неделю.

Выйдя из дома, Иван Петрович заспешил к электричке. Было восемь часов утра. Вместе с ним, в том же направлении, двигались другие люди с выражением постоянной озабоченности на лицах. В этом городке, как и в других подобных подмосковных городах, какой-либо приемлемой работы, почти не осталось, и люди вынуждены ездить в Москву, где возможности трудоустройства всё же были, впрочем, тоже только в сфере обслуживания, к которой Иван Петрович относил и свою нынешнюю, так сказать, научную деятельность.

Путем нескольких ловких махинаций, предатели и проходимцы захватили власть в стране, а потом и саму страну, превратив её из второй мировой державы в захолустье развивающейся страны третьего мира. С разрушенными и уничтоженными промышленностью и сельским хозяйством и деградирующим населением, вынужденным в поисках средств существования ездить на работу в большие города, чтобы обслуживать чиновников, воров и нуворишей, распоряжающихся страной как своей личной собственностью, но без всякой ответственности за содеянное.

Раньше, при Советской власти, особенно через 10-15 лет после Войны, обеспечивалось развитие всех территорий и поселений так, чтобы человек, где родился там и мог бы, при желании, прожить всю свою жизнь, имея такую же работу и её оплату, как и другие окружающие его земляки. Ну а если были какая-то цель и призвание то любой мог уехать туда, где эти цели и желания можно было реализовать. В общем, люди жили по принципу: где родился там и пригодился. Потом скрытые враги стали отрывать людей от своих корней, укрупняя деревни и сёла и небольшие города, стягивая производство в крупные центры областей, краёв и республик. Ученые социологи и экономисты обосновывали это неэффективностью мелкого производства, а мелкие поселения – оторванностью от культурных центров страны и низкими бытовыми условиями. Уже тогда, миллионы людей сменили места жительства вслед за работой, но работы тогда ещё хватало всем.

Потом наступили торжество и разгул демократии, и большинство производств было просто уничтожено или разворовано, появилась массовая безработица, особенно на селе и в маленьких городах, и люди были вынуждены искать работу в крупных городах. Так и появились потоки людей на работу в крупные города: утром туда-вечером обратно. Жизнь людей превратилась в челночные поездки: из дома в город на работу и назад, как говорится – от хомута к стойлу и обратно.

С таким потоком людей, спешивших впрячься в хомут, слился и Иван Петрович. С трудом втиснувшись в переполненный вагон электрички, он, стоя почти на одной ноге, вышел через полчаса на нужной остановке, чтобы пересест в автобус, следовавший до самого места работы. Однако, до автобуса ещё надо было пройти минут 15, но в хорошую погоду – а погода сегодня стояла хорошая, такая прогулка была и приятна и полезна.

В автобусе ему удалось сесть на свободное место, что бывало не часто, и до своей работы он доехал с комфортом.

В прежние времена тоталитаризма, молодежь уступала сидячие места в общественном транспорте пожилым людям, но сейчас, во времена полной и окончательной демократии, когда все равны, уступить место другому – значит ущемить свою свободу: можно было рассчитывать только на свободное место, хотя сам Иван Петрович, по привычке, ещё уступал своё место какой – нибудь ветхой старушке, которая еле стоит под равнодушными взглядами сидящих молодых, здоровых и окончательно свободных от всяких норм и правил, демократически настроенных людей.

Сидя в автобусе, Иван Петрович размышлял о своей работе в институте, куда он и направлялся.

VIII

В этот отраслевой институт авиации он поступил на работу около сорока лет назад.

Отраслевая наука это изобретение советской власти, при которой всё народное хозяйство страны представляло собой единый организм. В условиях бюджетного финансирования всех отраслей и всех предприятий и организаций, предполагалось, что академическая наука делает открытия, а отраслевая наука находит применение этих открытий и достижений для конкретных отраслей, например авиации, и конкретных предприятий. За рубежом крупный бизнес финансирует перспективные исследования через университеты, при которых существуют лаборатории и целые институты, и эти результаты поступают только туда и тем, кто эти разработки финансировал. Не случайно, после уничтожения советской власти и передела собственности страны в пользу частных лиц, большинство отраслевых институтов самоликвидировались, а уцелевшие стали выживать за счёт подачек частных фирм, решая сиюминутные задачи этих фирм.

А тогда, в 70-е годы, отраслевые институты в СССР вполне успешно занимались научной деятельностью в интересах соответствующих министерств и ведомств и были под опекой специального комитета СССР по науке и технике, который полностью удовлетворял финансовые потребности этих научных учреждений. Остается только удивляться, как тогда в СССР на всё хватало денег, ведь этих отраслевых институтов было сотни в Москве и тысячи по всей стране. Работа в НИИ была достаточно престижной: хотя зарплата и была ниже, чем в промышленности, зато не было штурмовщины по выполнению плана, и можно было заниматься научной деятельностью профессионально и с личной пользой. Например, защита кандидатской диссертации обеспечивала увеличение зарплаты в полтора раза и переход на более высокую должность. Поэтому в НИИ шли работать выпускники ВУЗов, которые надеялись найти своё место в науке. С другой стороны, в НИИ можно было работать спокойно всю жизнь: ни на что, не претендуя, и не имея никаких способностей, и сюда шли все, кто не хотел и не умел работать и таких было большинство. Всё сказанное, в полном мере, относилось и к конструкторским бюро, лабораториям и прочим учреждениям подобного рода, в которых, из каждых десяти сотрудников только два – три человека достойно выполняли свою работу, а остальные были на подхвате или откровенно бездельничали. Именно такие люди, ничего не делая, были всем недовольны и сыграли решающую роль в развале Советской власти, достаточно вспомнить всех этих младших научных сотрудников типа гайдаров и чубайсов.

Так и Иван Петрович, волею случая, но добровольно, поступил на работу в институт авиации, зная об авиации только как пассажир, да ещё со слов своих однокашников. Работа началась с ознакомления с институтом в целом, его задачами и своими служебными обязанностями. В институте оказалось более 1000 сотрудников, которые определяли как безопасно и эффективно возить пассажиров и грузы на самолётах и вертолётах поставляемых авиационной промышленностью СССР, поскольку иностранная авиатехника тогда не закупалась – это было бы позорно для страны, первой вышедшей в космос.

Институт решал, какие самолёты и вертолёты нужны стране. Авиапромышленность по этим данным разрабатывала и строила самолёты и вертолёты; институт испытывал и исследовал пригодность этих самолётов и вертолётов – далее они поступали в эксплуатацию, а институт определял, как их правильно эксплуатировать, когда и что с этими самолётами делать, чтобы они не ломались и могли безопасно летать. Всем этим потом пришлось заниматься и Ивану Петровичу, а начал он помощником ведущего инженера по эксплуатации новых самолётов, которые только что стали поступать в гражданскую авиацию СССР – в Аэрофлот. Эти самолёты летают и по настоящее время, уже около сорока лет: таков срок службы удачного самолёта – почти с человеческую жизнь. И как у человека, у самолётов тоже есть юность, зрелость и старение.

Сначала он с месяц изучал нормы и правила гражданской авиации, научные основы и практические методы проведения исследований авиационной техники, потом на два месяца был направлен в учебно-тренировочный отряд по практическому изучению самолётов, их

документации и особенностей эксплуатации. Сдал экзамены и вернулся в институт готовым приступить к работе, но работы никто не поручал. Так прошло месяца три – четыре, но никаких реальных дел никто от него не требовал. В этом, как пришлось убедиться потом, и заключается особенность работы в НИИ: рутинную работу специалист выполнит в разы быстрее и лучше, чем новичок, которому многое надо объяснять, контролировать, проверять результаты и т.д., в общем, одна морока. Именно поэтому, в отраслевых НИИ было много бездельников, так и не ставших специалистами – если сам не будешь искать работу, то никто заставлять не будет. Пришлось Ивану Петровичу настаивать, чтобы дали реальную работу и в конце концов такая работа нашлась: надо было ездить в командировки, чтобы оценивать состояние самолётов и определять что и когда ремонтировать на этих самолётах.

Поездки совершались по своему усмотрению или по вызову с мест, если возникал какой-то вопрос. Надо сказать, что сотрудники института имели право на бесплатный пролёт к месту командировки и даже за границу – везде, куда летали самолёты Аэрофлота. И считалось большой удачей, если давалось разрешение проехать поездом: в Киев, Минск, Ригу и прочие близкие города, чтобы пожить вагонной жизнью. А если самолетом, то можно было на выходные вернуться домой, чтобы в понедельник снова улететь туда же. Можно было придумать себе какую-то научную работу, включить её в план института и потом, по желанию, летать в командировки куда хочется, якобы для выполнения этой работы. Дополнительно, можно было летать в составе экипажа для снятия каких-то параметров работы систем самолёта в полёте, тогда это время полёта засчитывалось как испытания в стаж лётной работы, предоставлялся дополнительный отпуск и через 15 лет инженер получал право на оформление лётной пенсии с 50-ти лет. В общем, условия работы в институте оказались очень благоприятные, а при наличии учёной степени ещё и высокооплачиваемые: именно поэтому, здесь было много представителей славного еврейского племени.

Но Ивану Петровичу тогда было не до сплетен и интриг, которые процветали в институте, как и везде, где было много бездельников: ему надо, наконец, становиться специалистом – возраст приближался к 30-ти годам. И что-то стало получаться. Через год интенсивной работы удалось самостоятельно выполнить и внедрить нужную авиации работу – это было замечено руководством отдела и ему предложили должность начальника сектора, что означало не только самостоятельную работу, но и наличие подчиненных. Правда сразу занять эту должность не удалось – пошли жалобы в партком: вот, только пришёл и его повышают, а рядом сидят люди, члены партии, которых не повышают много лет. Жалобщики даже не понимали что пишут: надо не сидеть, а работать, тем не менее, его повысили только до старшего научного сотрудника, а через два года стал и начальником сектора. Это было уже стабильное положение, возможность самостоятельно работать и главное, самому планировать работу и не зависеть от чьих-то прихотей. Иван Петрович так и остался в этой должности, но это был уже его личный выбор. Получив самостоятельную работу, он оформился в заочную аспирантуру, стал пробовать писать научные статьи по материалам выполненных исследований, с намерением когда-нибудь написать и диссертацию. Работать в НИИ и не думать о диссертации, значит не думать о будущем. Как здесь говорили: учёным можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан.

В целом, 70-е годы оказались наиболее благополучными в его жизни, да наверное и в жизни страны тоже. Была квалифицированная работа с элементами творчества и научного поиска. Полученные результаты не ложились на полку, а внедрялись в практику, тем более что гражданская авиация СССР в эти годы развивалась ускоренными темпами, появлялись новые типы самолётов, в создании и испытаниях которых ему удалось принять участие.

Действующая пропаганда обзывает 70-е годы застоем в экономике, хотя какой же это застой, если производство в стране выросло за десять лет почти в два раза, по уровню жизни людей СССР вошёл в двадцатку, а по качеству жизни в десятку передовых стран мира и это не пропаганда, а данные ООН. Качество жизни учитывает не только благосостояние, но и обра-

зование, медицину, уверенность в завтрашнем дне, отдых и другие потребности людей. Сейчас, через 20 лет после фашистского переворота 1991 года, Россия находится на 70-ом месте по уровню жизни, а о качестве жизни вообще говорить нельзя, если страна вымирает со скоростью около миллиона человек в год. Это и есть настоящий фашизм, когда страну захватывает кучка проходимцев, организующаяся в класс воров, ростовщиков и чиновников, которые, под демагогические вопли о свободе и борьбе с тоталитаризмом, осуществляют геноцид всего остального населения страны. Особенность фашизма России в том, что властная группировка не считает себя частью нации, а Россия для них только объект грабежа. Недаром одним из первых действий демократов было принятие закона о двойном гражданстве и изъятие графы «национальность» в паспортах российских граждан.

Но вернёмся в 70-е годы. Застой, конечно, был, но не в экономике, а в людских головах. Люди считали свою жизнь неизменной: всё, что им давалось они воспринимали как само – собой разумеющееся, зато во всех недостатках ругали власть, чтобы она сама, без их участия, устранила эти недостатки и улучшала жизнь.

Вот и Иван Петрович с семьёй: без кола, без двора, зацепился в Москве, получил работу и скромное, но собственное жильё и некоторые перспективы в жизни. Подрастал сын, ходил в садик, хотя из-за работы и учёбы приходилось отдавать его на продлёнку – родственников никаких не было. Материально конечно было трудновато: зарплата небольшая, имущества никакого. Когда уже совсем стало туго, он съездил летом в отпуск на шашлык: организовал бригаду из инженеров и поехали что-то строить в совхоз в Тверскую область.

Худо – бедно что-то построили, и заработали за полтора месяца как за три месяца на работе в НИИ. Кстати, многие сотрудники НИИ и КБ в те времена сделали шашлык основным своим заработком. Освоили специальности сварщика, монтажника каких-нибудь зерносушилок или доильных агрегатов и летом, за полтора-два месяца зарабатывали в деревнях больше, чем за год работы в своих НИИ. В своих НИИ они откровенно бездельничали, получая, впрочем, и квартиры и путёвки в санатории, как и те, кто усердно работает, а иногда и раньше этих работяг, завистливо ненавидя успешных специалистов и всячески хая советскую власть. Именно такие, несостоявшиеся инженеры и младшие научные сотрудники, подгрызли и опрокинули страну, как только предатель Горбачёв и негодяй Ельцин дали команду «фас».

И для сравнения. В 1990-е годы Иван Петрович был в командировках в Англии, в авиакомпании. Там, по ходу работ, познакомился с инженером. Разговорились. Англичанину было 35 лет, начинал тоже с нуля. После школы взял ссуду и учился в институте, после окончания которого выплачивал ссуду за учёбу в течении восьми лет, потом стали копить на жильё вместе с женой. Он говорил, что ещё года четыре – пять, будет некоторая сумма, они уедут в Австралию – там всё дёшево, купят квартиру или домик и заведут ребёнка. Жене его будет лет 35 – ещё не поздно. Так, где гуманней и справедливей была жизнь: в СССР 70-х годов или в Англии 90-х?

Через пять – шесть лет работы в институте, Иван Петрович уже состоялся как специалист в области эксплуатации самолётов. По результатам работ выпустил несколько документов, определяющих правила эксплуатации некоторых типов самолётов: были разработаны отраслевые стандарты, государственный стандарт СССР и настала пора заняться кандидатской диссертацией, чтобы получать достойную зарплату.

Доплату за учёную степень в СССР ввели ещё при Сталине, чтобы стимулировать занятия наукой и повышать квалификацию преподавателей ВУЗов. Многие должности в НИИ можно было замещать только при наличии учёной степени, да и в спорах по работе, когда не хватало аргументов, некоторые деятели ссылались на свою учёную степень, как на последний довод своей правоты.

Изначально предполагалось, что учёный или инженер, врач, педагог и т.д. занимаясь своей работой, получил какие-то новые результаты, имеющие научное и практическое значе-

ние, оформил эти результаты в виде диссертации и защитил эту диссертацию перед учёными, подтвердив тем самым свою квалификацию и самостоятельность своей работы. Со временем, всё это настолько забюрократили, что защита диссертации стала самостоятельным делом, иногда не имеющим никакого отношения к профессиональной деятельности диссертанта, которого называют соискателем учёной степени. А поскольку, к учёной степени прикладывались должность и зарплата, то многие именно их и жаждали, пытаясь получить учёную степень.

Например, в институте, выполняя свою работу, сотрудник решает какую-то задачу, оформляет отчёт по работе и внедряет полученные результаты в виде рекомендаций, инструкций, стандартов или даже приказов министра. Потом он может написать научную статью или использовать полученные результаты в диссертации, но это требует дополнительного времени, помимо основной работы.

Иван Петрович был уже ведущим специалистом, и рабочая текучка мешала усидчивой работе над диссертацией. Постоянно случались какие-то проблемы, которые требовали оперативного решения и выездов в командировки. А не дай бог случилось какое-то происшествие с самолётом, типа аварии, то проводится расследование с разработкой мероприятий по недопущению такого в будущем. Но если катастрофа самолета, то это два-три месяца расследований и оправдательств.

Кто не имел такой текучки, мог спокойно брать научные отчёты других, сопоставлять, анализировать и обобщать результаты и в итоге получалась диссертация, а этот так сказать «учёный» мог ещё оказаться после защиты и твоим начальником. Так и говорится: списал у одного – это плагиат, списал у двоих – это компиляция, списал у нескольких – это диссертация.

Оставив сына на учебный год в родном городе у матери, Иван Петрович за зиму слепил диссертацию из выполненных ранее им работ. Закончив, он приехал за сыном, а заодно, отгулять отпуск и встретится с друзьями детства и юности в спокойной и размеренной жизни провинциального городка.

Однако эта жизнь оказалась не совсем спокойной. Однажды возвращаясь вечером от товарища, он был сбит с ног, ударом сзади, и жестоко избит ногами группой совершенно незнакомых ему молодых людей, впрочем, находящихся в подпитии. С трудом, ему удалось добраться назад к другу, который будучи заместителем районного прокурора, поднял на ноги всю милицию и к утру четверо напавших на него хулиганов были задержаны, а ещё двое успели скрыться из города.

Иван Петрович попал в больницу с сотрясением мозга и с повреждёнными, но чудом уцелевшими глазами, а хулиганы – в кутузку. В этой группе оказались родственники действующих милиционеров, поэтому, они и чувствовали себя безнаказанными: неоднократно нападали на прохожих и всё сходило им с рук, а с ним не получилось – знакомства Ивана Петровича оказались круче. Был суд, четверым дали по пять лет, потом нашли ещё двух участников – и тех в тюрьму. На суде, который состоялся без Ивана Петровича, обвиняемых спросили: «Почему Вы напали на него?» Ответ поражает своей простотой: нам его вид не понравился.

Приходили к Ивану Петровичу родственники и просили простить хулиганов, но он их не простил. Разве можно простить немотивированное нападение сзади, группой, и избивание ногами? Иван Петрович ожидал второго ребёнка, и как бы ему жилось, если бы его отца убили ещё до рождения? И это не просто предположение. За год до этого случая, примерно также и там же был избит другой группой хулиганов юноша, который умер. У него не оказалось защитников и бандиты, имевшие родственников в милиции, отделались условными сроками наказания: якобы, тот сам упал, ударился и умер, а они его только пугнули. Впрочем, убийства в те времена были не часты: пять-шесть за год по району и в основном на бытовой почве. В нынешнее время – примерно в десять раз больше, хотя и милиции стало в те же разы больше.

Из этой истории получается, что уже тогда милиция начала отходить от законности и соблюдения прав граждан, превращая своё положение правоохранительного органа в орган захвата и охранения личных интересов милиционеров.

Здоровье любого государства определяется состоянием его правоохранительных органов: как бы они не назывались в ту или иную эпоху. Используя властные полномочия в личных целях, милиция бывшего СССР, постепенно превратилась в 90-е годы в наиболее опасную и массовую преступную группировку России, которая неподконтрольна даже власти – такой же преступной как, и сама милиция.

В прошлом году, местоблюститель президента решил переименовать милицию в полицию – на защиту своего режима. С одной стороны, конечно, в полицейском государстве, каким стала Россия, должна быть обязательно и полиция, с другой стороны, преступники в мундирах останутся таковыми при любом наименовании, так как стоят на защите преступного и антинародного режима воров и предателей. Но тогда, в 80-е годы, всё только начиналось, и Иван Петрович ни о чём подобном ещё и не думал.

Подлечившись, он с сыном вернулся домой из неудавшегося отпуска – нужно и работать, и доделывать диссертацию, и организовывать защиту, и собирать разные справки и заключения.

Процесс подготовки к защите диссертации и сама защита – это отдельные процессы, не имеющие никакого отношения к науке. Подготовив диссертацию, надо её доложить на разных учёных советах, заручиться поддержкой дипломированных учёных, найти учёный совет, где согласятся принять твою диссертацию к защите, встать в очередь на защиту и собрать хорошие отзывы на свою диссертацию. Именно на эти процедуры и ушёл целый год.

И здесь у Ивана Петровича не обошлось без казусов, характеризующих и то время, и его действия: житейские и трудовые.

Осенью поехал в Ригу договариваться о защите. Доложил диссертацию вполне успешно и договорился о защите. На радостях, отметили успех в ресторане, а утром, вместе с приятелем из института, поехали в аэропорт, чтобы улететь в Москву. В аэропорту добавили в буфете «Рижского бальзама», своим рейсом не полетели и уснули здесь же в зале ожидания. Проснувшись часа через два, он обнаружил, что портфеля с диссертацией и вещами нет. Обыскался кругом – нет и всё! А диссертация была в единственном экземпляре: напечатанная на пишущей машинке и с вручную вписанными формулами – поэтому восстановить можно было только по черновикам, а это большой труд и не факт, что получится то же самое.

Конечно, он расстроился и, кляня себя за легкомыслие и безответственность, пошёл на регистрацию оформлять билет – контрамарку на полёт до Москвы. Идет он по пустому залу регистрации и видит посреди зала стоит портфель, который пассажирам приходится обходить. Подошёл и он, посмотрел: батюшки, да это же его портфель. Открыл – диссертация на месте, вещи тоже. Вспомнил, что сам его там и оставил, когда смотрел расписание рейсов, а потом забыл и ушёл.

На радостях они снова зашли с приятелем в буфет, а потом и в самолёт до Москвы.

Но что хочется отметить, кроме его собственной глупости? Портфель с вещами простоял в аэровокзале посреди зала два часа, и никто не заподозрил, что в нём может быть бомба, и никто его не взял себе и даже не рылся в вещах. А сейчас? Этот портфель сразу же взяли бы профессиональные воры, которые дежурят на вокзалах или службы охраны заподозрили бы, что в нём есть бомба от террористов и весь аэровокзал был бы эвакуирован, а портфель уничтожен.

Так, когда же было общество страха и насилия: то «тоталитарное» или нынешнее «демократическое»? Если верить пропаганде – то конечно тогда, а если верить фактам спокойной жизни людей в те времена, то конечно сейчас и именно сейчас люди живут в обстановке страха, насилия и разгула преступности, ограждаясь от них железными дверями квартир, решётками

на окнах и запертыми подъездами домов. В советские времена преступники были, в основном, за решёткой. Теперь весь народ за решётками, а преступники на свободе.

Защита диссертации состоялась вовремя, а после защиты все документы направились в Москву в Высшую Аттестационную Комиссию (ВАК), которая и принимает окончательное решение о присуждении учёной степени.

И здесь началось нечто странное, но характеризующее нравы околонучного мира эпохи развитого социализма, когда наука была не только средством поиска истины и двигателем прогресса, но и кормушкой для различных группировок – так называемых научных школ. Эти группировки, часто занимаясь смежными проблемами, всячески дискредитировали других и продвигали своих, а Иван Петрович не принадлежал ни к какой группировке. И вот один ученый, решив, что кандидатская диссертация Ивана Петровича препятствует его будущей докторской диссертации, натравил на него свою группировку уже после защиты, хотя Иван Петрович, конечно, ничего об этом не знал.

Был организован донос в ВАК, там поручили эксперту разобраться с диссертацией, этот эксперт, из той же группировки, написал отзыв: якобы диссертация по названию не соответствует содержанию, и Иван Петрович получил вызов в ВАК для объяснений. Такой вызов означал фактически отказ в присуждении степени. Доказать там свою правоту за три минуты было невозможно, но ему удалось – помогла работа. Дело в том, что по материалам диссертации был разработан и введён ГОСТ, который закреплял его разработки на государственном уровне. Так в ВАКе он и сказал: вот ГОСТ, вот ещё десяток документов, которые он положил на стол: дадите степень или нет Ваше дело, а разработки внедрены и будут действовать независимо от решения ВАК.

В итоге его утвердили и выдали диплом кандидата технических наук, но сил и нервов это всё унесло много. А по – человечески вопрос можно было решить просто: позвонить, сказать, так и так, Иван Петрович в названии диссертации переставил бы пару слов и проблема, как потом оказалось, мнимая, была бы закрыта. Но как говорится: «День, прожитый без подлости – пропавший день». Сейчас по такому принципу пытаются заставить жить всех, а тогда только некоторые лжеучёные, спекулянты, карьеристы и им подобные.

Уместно привести один случай, который произошел года через два. Тогда на ученом совете презентовали двух сотрудников института к ученому званию ВАК на старшего научного сотрудника. Претенденты, оба евреи, вдруг начали обвинять друг друга в плагиате, что кто-то из них, у другого, списал какую-то разработку. Конфликт, с трудом, уладили, а позже, когда начали зачитывать их биографии, оказалось, что один из них по паспорту русский, а другой украинец. И один ученый, еврей и по паспорту, вслух заметил: «Я думал, что два еврея поссорились друг с другом и удивился, потому что среди нас – это большая редкость, а оказывается, что это русский с украинцем опять что-то не поделили. Обычное дело». Все присутствующие рассмеялись. И в этих словах очень большой смысл: евреи всегда заодно, а русские чуть что так и разлад или донос, под который и угодил Иван Петрович со своей диссертацией.

После получения учёной степени Иван Петрович получил и медаль за работу по испытаниям самолётов, а через год получил и трёхкомнатную квартиру от института, тоже с некоторыми приключениями, но это уже детали.

Итак, через 20 лет после окончания школы у него были, наконец, и жильё и работа и семья. Конечно срок большой: на родине его друзья, если не злоупотребляли алкоголем, решали эти проблемы за пять-шесть лет, да и здесь москвичи устраивали бытовую жизнь лет за десять, но Иван Петрович не был в претензии – делал что мог и получил что хотел. Казалось бы спокойно живи, расти детей и умножай успехи в работе, но наступили подлые 80-е годы и всё пошло под откос. Идеи и практика строительства социалистического государства оказались в руках двурушников, во множестве заселивших руководящие органы партии и правительства, которые взяли курс на ликвидацию народного государства.

IX

В начале 80-х годов началась чехарда с руководителями страны. Умер Брежнев, его заменил Андропов, умер Андропов, его заменил Черненко, умер Черненко, его заменил Горбачёв и всё это за три года, причём каждый следующий руководитель был хуже, а Горбачёв и вообще оказался предателем, разрушившим страну. Надо сказать, что России не везло на руководителей, а как говорит восточная поговорка: «Стадо баранов во главе со львом – это стая львов, а стая львов во главе с бараном – это стадо баранов». Вот такими баранами и были все советские руководители страны после Сталина.

Из царей, реальную пользу стране принесли только Иван Грозный, Павел I и Александр III. Прославляемые ныне Пётр I и Екатерина II принесли стране больше вреда, чем пользы. Пётр I погубил треть населения страны. Ради Прибалтики, утраченной ныне, потерял выходы к Чёрному морю, разрушил уклад русской жизни, завёз иностранцев – захребетников, и стал равняться на Европу, что делают и нынешние мартышки. Екатерина II хотя и вернула России Чёрное море, но закрепила крепостничество и разорила страну расходами на любовников и свои прихоти. Другие цари или были сумасбродами, или ничего не делали вообще – не руководили, а присутствовали, в результате Россия к 1917 году была захудалой и отсталой страной, терпящей поражение в ненужной ей войне – Первой Мировой.

Бездарных и преступных царей в феврале 1917 года сменили либералы, типа нынешних тимурки гайдара и чубайса, которые за полгода, под руководством Керенского, окончательно развалили страну, и Российская империя рассыпалась на куски, как и СССР в 1991 году, только эти куски в 1917 году не успели оформиться в независимые государства. Большевики подобрали власть в октябре 1917 года: именно подобрали, а не захватили, хотя и назвали это Великой Октябрьской Социалистической Революцией. Ленин опять объединил страну и воплотил мечту человечества о равенстве, отобрав в собственность государства всё, что приносило или могло приносить прибыль: заводы, фабрики, банки, торговлю, землю и её недра, оставив в собственности только личное имущество граждан. Сталин поднял страну из руин и за 30 лет своего правления сделал Россию мировой державой, но вот победить инстинкт собственности, стяжательство и нахлебничество и ему не удалось.

После Отечественной войны выросло целое поколение людей в относительном благополучии, не знавших борьбы за выживание и уверенных в завтрашнем дне, который, конечно, будет лучше. Да и вся система Советской власти работала на благо людей, нужно было только совершенствовать эту систему власти и беспощадно бороться с врагами, а главными врагами были стяжательство и карьеризм. Представителями власти должны были быть лучшие люди, преданные своему делу и идеалам социализма, но шли во власть в это время уже не лучшие, а ловкие и беспринципные, которые во властных постах искали только личную выгоду, но не служили интересам дела.

К началу 80-х годов во власти и при власти оказались в основном недалёкие бездельники и скрытые проходимцы, единственной целью которых было только улучшение своей личной жизни, путём сохранения своего положения в органах власти. Однако само по себе пребывание в органах власти или руководстве предприятия тогда не давало ощутимых материальных благ. Всё ещё действовала тарифная сетка оплаты труда, по которой любой руководитель, даже министр, имел оклад, не более чем в пять раз, превышающий минимальную зарплату, которая составляла 80 рублей (нынче эту сумму надо умножить на 200). Конечно, путём премий и надбавок это ограничение обходилось, но не более чем в 1,5-2 раза. Сейчас министр может иметь до 30 окладов надбавок, да ещё больше премий, поэтому власть – это прямые доходы.

Депутаты тогда имели смешные доплаты за выполнение депутатских обязанностей, но только депутаты Верховных советов СССР и республик. Руководителю предприятия доплаты производились только решением по министерству, а по предприятию пожить было нечем:

ну квартиру получить по больше, ремонт сделать, небольшую дачку соорудить, вот, пожалуй, и всё, а остальное уже криминал – себе дороже выйдет. Положим, кто-то директор телевизионного завода – ну списал несколько телевизоров как брак, взял себе, родственникам и всё – продать-то негде, все магазины государственные, да и много брака нельзя – значит, не справляешься, с работы могут снять. Поэтому у многих руководителей было желание обменять власть на деньги, а ещё лучше иметь и то и другое и чтобы ни за что не отвечать – и таких оказалось множество: именно они и привели к смене общественного строя в стране.

А что же простые люди, которых большинство? Большинство, и Иван Петрович в их числе, молчаливо воспринимало жизнь как вполне благополучную. Конечно, хотелось улучшений и быстрее, сейчас и здесь – но только в виде разговоров, не больше. Не всегда можно было купить то, что хочешь немедленно, но потратив время, желание исполнялось. Из еды люди гонялись тогда только за деликатесами. Вот, статистика: в 1987 году, когда Горбачёв начал крушить страну – СССР потребление на человека в год было: мясо – 64 кг., рыба – 18 кг., молоко – 320 литров. 2008 год: мясо – 43 кг., рыба – 3 кг., молоко – около 150 литров. Так, когда люди питались лучше, тогда в 1980-е годы или сейчас в 2 000-е? Ходила такая шутка в то время: «Никто ничего не делает, но зарплату получают все – все получают зарплату, но купить нечего – купить нечего, но у всех всё есть – у всех всё есть, но все недовольны – все недовольны, но никто ничего не делает» – дальше смотри начало.

Главное, что была уверенность в будущем. Этот оптимизм поражал иностранцев. В 90-е годы в командировке в Англии один инженер сказал Иван Петровичу: «Как Вы могли променять уверенность в будущем, на призрак быстрого обогащения всех и сейчас?» Ему ответить было нечего.

С экранов телевизоров сейчас внушают молодёжи, что в советские времена кушать было нечего и показывают пустые полки продовольственных магазинов, но это съёмки конца 1991 года. Или показывают очередь в магазин за водкой в 1986 году, но говорят что за едой и т.д. Наглая лож идёт повсеместно, начиная от президентов до телевизионных шавок, типа Михалковых и прочих. Говорят, что одеть было нечего, кроме рабочих спецовок и опять ложь: народ одевался лучше, чем сейчас – именно народ, а не телетусовка, рублёвка и ей подобные поля чудес, выросшие, как поганые грибы, около всех городов. Кстати, за границей и сейчас, в большинстве, люди одеты хуже, чем даже в сегодняшней России.

Однако, была категория людей, которые и создавали трудности в покупке вещей и продуктов и успешно пользовались этими трудностями в корыстных целях. Это работники торговли: магазины, базы и склады. Они искусственно создавали нехватку товаров, а потом, как говорили, «из-под полы» продавали эти товары с наценкой. Такой ханыга показан, например, в фильме «Берегись автомобиля». Этих людей было много, вот они и показывали остальным, как надо «уметь» жить. И когда предатели разрушили страну, все кинулись торговать, но оказалось, что так много торговцев не нужно. В СССР на двух работающих на производстве приходился один работник сферы обслуживания, куда включались и врачи, и учителя, и транспорт, а сейчас это соотношение с точностью до наоборот: как в любимой нашей властью Америке, но не всей, а только США.

Но вернёмся в 80-е годы. Пока наверху один генсек сменял другого, страна по инерции шла вперёд со скоростью 3% роста производства в год. В авиации это были годы наибольшего развития. Парк самолётов и вертолётов пополнялся новыми типами со скоростью 600 штук в год, а военная авиация получала до 500 (в 2008 – 14 штук, в 2009 – 47 штук). Готовилась и замена известных типов воздушных судов: ТУ-154, ИЛ-62, АН-24 и других на новые перспективные типы: ТУ-204, ИЛ-96, ИЛ-114 и другие. В их создании Иван Петрович принимал участие уже не как простой исполнитель, а как руководитель направления. Предполагалось, что с 1990 года начнётся массовое производство этих типов самолётов, что обеспечивало дальнейшее развитие гражданской авиации СССР.

Тогда же он отметил своё сорокалетие. К этому времени он был вполне благополучный научный сотрудник, руководитель небольшого подразделения, кандидат наук, имеющий некоторый вес в научных авиационных кругах. Многие разработки были внедрены, имелись публикации научных статей.

Юбилей отметил дома, а также на работе с сотрудниками по работе. Торжества тогда устраивать было не принято, и обошлись дружескими посиделками в лесу у костра в окрестностях аэропорта и недалеко от института, что было удобно и для сборов и для разъезда участников. Стояла золотая осень, октябрь, очень тепло – более 20-ти градусов. Жарили шашлыки, пили вино, хвалили друг друга – всё как положено на юбилее. Сорок лет – это когда уже всё умеешь и ещё всё можешь: далеко ушло это время в прошлое, а кажется, было совсем недавно.

И здесь надо сказать о застольях с выпивкой, как о тёмной стороне жизни Ивана Петровича. Впервые вино он попробовал ещё в техникуме, лет в пятнадцать. В группе с ним учились вполне взрослые парни, отслужившие армию, которые жили в общежитии или на частных квартирах. И вот когда молодёжь приходила к ним в гости, то иногда предлагалось вино, а отказываться не принято: так потихоньку – помаленечку и пошло и вошло в привычку. Чуть где – какое мероприятие, так тут же и стакан портвейна, хорошо ещё, что не водка.

Помнится, когда Иван Петрович начал работать, решили с приятелем попробовать коньяк: в книгах и в кино тоже, чуть – что так рюмку коньяка. С зарплаты купили хорошего коньяка, прямо в цеху разлили бутылку в две алюминиевые кружки, выпили залпом и закусили солёным огурцом. Такой коньяк ему не понравился и далее он употреблял исключительно вино, типа портвейна и вермута, или пиво.

Хорошо ещё, что курить так и не научился. Закурил классе в пятом, не понравилось, бросил и больше к курению не возвращался. Так бы и с выпивкой, но не пришлось, и втянулся он в бытовое пьянство. Пошёл на танцы в клуб-стакан вина, а то и больше, организовалась вечеринка – то же самое, и пошло – поехало. Иногда, случалось ему наклюкаться и до потери рассудка: хорошо ещё без последствий, ввиду спокойного характера. Хотя почему без последствий: если оба знакомства с будущими жёнами тоже произошли в компаниях и с выпивкой, это факт, а хорошо или плохо – дело другое. Бытовое пьянство: это когда раз или два в неделю человек употребляет спиртное – до лёгкой или средней степени опьянения. Вот и отец его, как оказалось, регулярно выпивал, заболел туберкулёзом и умер в 36 лет.

Иван Петрович прожил с выпивкой до 55 лет, когда решил, что нужно бросать это дело, если не хочет оказаться где-нибудь на помойке за ненадобностью. И всё получилось, главное, как сказал ему один знакомый врач, никогда и ни при каких условиях не принимать ни рюмки спиртного и будешь жить спокойно. Потом, лет через пять, не раньше, можно в компании принять бокал шампанского за весь вечер, но ни в коем случае никаких крепких напитков. Сможешь так – и дело сделано. Иван Петрович смог, а вот многие его знакомые и друзья не смогли, и большинства из них уже нет на этом свете, а есть ли другой свет – это большой вопрос. Алкоголизм это не болезнь, а распущенность и слабование и только на рубеже постоянного и ежедневного употребления спиртного это является наркотической зависимостью.

Наступил 1985 год, к власти в стране пришёл Мишка Горбачёв, «меченый» – с родимым пятном на лбу: это, говорят, чёрт копытом ударил и сделал отметину. Дед его был кулаком в селе на Ставрополье, а отец добрался до председателя колхоза, устроил Мишу в 15 лет помощником комбайнёра на два месяца и затем представил его к ордену. С этим орденом он и пролез в МГУ на юридический факультет, играл в самодеятельности в театре – так что актёр оказался ещё тот.

Вот бы и Ивану Петровичу орден за работу на кирпичном заводе или на уборочной в техникуме, глядишь и пошла бы масть, но не судьба, а «меченый» окончил МГУ и полез вверх по комсомольской и партийной линии, представляя собой полное ничтожество с задат-

ками предателя. Кстати, на юристов и экономистов в те времена учились совсем ни к чему не пригодные люди: эти профессии были не престижные, особенно для мужчин.

Горбачёв – дурак, предатель и подкаблучник у своей жены, оказался во главе страны СССР. Но всё это выяснилось потом, года через три, а тогда почти все воспринимали приход «меченого» к власти с энтузиазмом – надоели старики у власти, хотелось встряхнуть страну и себя на дальнейшее развитие и улучшение жизни. Иван Петрович продолжал успешную работу в гражданской авиации, результаты внедрялись в отрасли, что приносило и моральное и материальное удовлетворение. Начал потихоньку работать над докторской диссертацией – материалов было достаточно.

Но в стране начались разброд и шатание. Дурака окружили проходимцы и предатели, кинули клич «больше демократии, больше социализма», выдвинули лозунги «Перестройка, ускорение, гласность» и под их прикрытием стали уничтожать справедливость, равенство и благополучие. Меченый ездил по заграницам и, под надзором своей жены, за похлопывания его по плечу, как равного, различными президентами и руководителями капиталистических стран стал сдавать страну и, конечно, социализм. На взгляд Ивана Петровича разница между капитализмом и социализмом, а вернее, между рыночным капитализмом и государственным капитализмом, который в СССР почему-то называли социализмом, заключается в следующем.

При рыночном капитализме каждый продаёт что может: одни свой труд, другие свою продукцию. Допустим, кто-то начал делать мыло (дед Ивана Петровича по отцу одно время работал мыловаром). Начал в долг: написал расписки государству за то, чтобы разрешили, заплатил бомжу за собаку, которую надо варить на мыло, кому то ещё за дрова и за соду. Сварил мыло и получил пять кусков мыла. Три раздал за долги, один – плата себе за свою работу и один кусок остался – это прибыль, интерес – иначе, зачем этим заниматься. Так вот этот кусок мыла девать некуда – ни у кого из соседей нет средств на покупку. Можно ввести какие-то деньги, но их также хватит только на оплату труда и затраченных ресурсов, а вот на добавочную продукцию, которая и является прибылью, средств не будет, так как рядом такие же предприниматели, которые тоже хотят продать свою продукцию.

Выход один: обменять свой кусок мыла на что-то нужное или продать за границу своей улицы, посёлка, города, области, государства. А на вырученные средства купить что-нибудь или положить эти средства (деньги, золото, ракушки у туземцев и т.д.) в сундук и копить. Но вот этого мыла стало везде избыток, или ни у кого нет средств, чтобы его купить, тогда начинается кризис, это мыло никому не нужно и мыловарня закрывается. По этому принципу и существует рыночный капитализм. На добавочный продукт или прибыль нет затрат, а следовательно и нет в обществе средств на его приобретение людьми или предприятиями.

При государственном капитализме, который был в СССР, всё что приносит или может принести прибыль находилось в руках государства, даже если эта собственность и называлась общенародной, а все граждане страны фактически являлись наёмными работниками у государства. Всю прибыль государство направляло на развитие производства, образование, оборону, медицину, жильё, пенсии и просто на улучшение жизни – что и происходило в СССР. Копить деньги государству было ни к чему, поэтому всё что производилось – то и расходовалось, и страна ни от кого и ни от чего не зависела. Поэтому, в странах рыночного капитализма периодически наступал кризис, а СССР постоянно развивался и, при этом, не производил никаких валютных накоплений: как сейчас говорят путиноиды, не было «валютной подушки безопасности» хранящейся за границей.

Многих высших руководителей СССР такое положение никак не устраивало. Как это так, распоряжаться всей страной, заводами, газетами, пароходами, как и «мистер – твистер» по Маршаку, и не иметь возможности что-то урвать для себя лично и родственников? Правда и ответственности за результаты своего руководства эти деятели уже не несли. Хрущев показал, что можно творить любую дурость и уйти на отдых, только и всего. Вот если бы Хрущёва сняли

и расстреляли за результаты его деятельности, вот тогда, может быть, и банда «меченого» не решилась бы на разгром страны СССР.

Х

Чтобы уничтожить социализм, нужно было, чтобы народ перестал считать власть своей, далее вызвать недовольство действующей властью и заменить её другой. Начало положили ограничением продажи спиртных напитков в 1985 году. Из магазинов исчезли вино и водка и чтобы купить, например, бутылку портвейна надо было обойти несколько магазинов и отстоять в очереди несколько часов. Конечно это вызвало массовое недовольство людей, да ещё и сильно ударило по бюджету страны – продажа спиртного приносила до четверти доходов бюджета. И сейчас, когда по телевизору показывают очереди и говорят, смотрите, люди в СССР стояли в очередях за продуктами, ничего не было в магазинах, то это ложь – показывают очереди за спиртным, а товары и продукты в магазинах исчезли только в конце 80-х годов, опять же стараниями банды «меченого».

Иван Петрович, чтобы тогда купить бутылку портвейна, садился на велосипед, который специально купил, и ездил по городу в поисках магазина, куда в этот день завезли спиртное. Как-то он стоял в очереди, впереди какой-то мужичок хорохорился: «Ну меченый, ну устроил, чтоб ему провалиться и т.д.», потом мужичок постоял, помолчал и снова: «Всё, брошу пить, стану хорошо работать, меня наградят орденом и когда Горбачёв будет мне его вручать в Кремле, я дам ему по морде». Вот так, русский мужик, своим пытливым умом нашёл путь, как добраться до «меченого». Кстати, в 1988 году, когда Горбачёв посещал завод в Омске, один инженер дал таки-ему по морде, а закона об оскорблении должностного лица тогда ещё не было и этот человек отделался наказанием в 15 суток за хулиганство. Сейчас, молодые люди заперлись в общественной приёмной Путина, где он никогда и не бывал, и стали требовать встречи с ним, их арестовали, и дали всем по пять лет тюрьмы – чуть ли не за терроризм.

Но в 1985 году всё ещё только начиналось, страна двигалась по инерции вперёд, и всё казалось стабильным. Вот и Иван Петрович решил своё стабильное положение улучшить защитой докторской диссертации и начал в свободное время на работе потихоньку подбирать и систематизировать материалы своих научных работ. Надо сказать, что дома он никогда никаких научных работ и вообще ничего связанного с работой в институте не делал. Бывало, иногда мелькнёт какая-то мысль, появится желание посидеть, подумать, записать, но это желание быстро перебивалось каким-то домашним делом: вынести мусорное ведро, сходить за хлебом или погулять с ребёнком и т.д., рабочее настроение проходило, а работать плодотворно он мог только по настроению.

Тем не менее, скоро черновик диссертации был готов и даже частично отпечатан на пишущей машинке – компьютеров тогда ещё не было. Чтобы довести дело до защиты докторской, было необходимо ещё 1,5-2 года, а в стране уже нарастал развал. Проводилось необоснованное повышение зарплат, но товаров в магазинах больше не становилось и уменьшалось их производство, что в условиях стабильных цен приводило к дефициту товаров в продаже. Стали появляться пустые прилавки в магазинах, начала процветать спекуляция – всё это вызывало возмущение людей и их недовольство властью, что и требовалось для предателей Советской власти.

Тогда власть, якобы для заботы о людях, разрешила организовывать кооперативы для производства товаров народного потребления и оказания услуг населению: так один источник прибил власть отдала в руки предприимчивых людей, которыми как всегда оказались, в основном, лица еврейской наружности. Началось первоначальное накопление спекулятивного капитала торговлей «из-под полы» дефицитными товарами и в кооперативах.

Руководители предприятий получили право реализовать ненужное, как бы, сырьё и сверхплановую продукцию кооперативам, которые они сами же и организовывали из своих

родственником и знакомых. Поживились и молодые проходимцы из руководства комсомола, которые организовывали молодёжные внедренческие центры, занимающиеся перепродажей товаров и научных разработок.

Однажды и Иван Петрович воспользовался услугами такого центра следующим образом. Сделал самостоятельно нужную работу, а оформил её выполнение через молодёжный центр, которому и были перечислены деньги за эту работу, а этот центр вернул деньги, за вычетом своей доли, как зарплату исполнителям, т.е. ему и подставным лицам. Вот и вся технология, а он получил больше, чем за пять лет работы в институте. Но он только один раз продал свою работу из диссертации, а другие продавали чужие работы и многократно: можно представить какие суммы государственных денег прокручивались таким образом. Многим предприятиям, и институту в их числе, разрешили переход на хозрасчёт: когда работа выполнялась по договору в институте и можно прибыль делить между исполнителями. Таким образом, денег на руках у людей становилось всё больше, а вот тратить их было не куда – товаров в магазинах не было, а только на рынках и в кооперативах, которые всё скупали и перепродавали по так называемым рыночным, а точнее, спекулятивным ценам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.